

Профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ Костромскимъ Платономъ.

IV.

Петръ Симоновичъ не былъ такимъ кабинетнымъ ученымъ, который бы за интересами науки забывалъ бы объ интересахъ жизни. По природѣ впечатлительный, чуткій ко всему, что затрагивало дорогіе для него интересы, человекъ глубоко преданный церкви, П. С-чъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за всѣми явленіями современной церковной жизни и готовъ былъ всегда на нихъ отозваться своимъ словомъ. Частыя сношенія со многими архиереями и свѣтскими лицами, стоявшими близко къ дѣламъ церковнаго управленія, давали П. С-чу возможность знать многое совершавшееся и предпринимавшееся въ нашей церкви и вмѣстѣ давали не мало поводовъ высказывать свои мысли по различнымъ вопросамъ и событіямъ.

Время, въ которое жилъ П. С-чъ, было эпохою весьма важныхъ преобразованій не только въ нашей государственной жизни, но и церковной. Въ пятидесятыхъ годахъ были подняты вопросы о реформѣ нашихъ духовныхъ школъ, объ улучшеніи быта духовенства и проч. Для людей, преданныхъ интересамъ богословскаго образованія, особенно близка была къ сердцу будущность духовныхъ школъ. Въ какомъ направленіи будетъ ведено задуманное преобразование духовно учебныхъ заведеній, примутъ ли лица, призванные совершить это важное дѣло, опыты предшествующей жизни?— вотъ вопросы, которые особенно должны были интересовать людей, дорожившихъ будущностію нашего духовнаго обра-

зованія. Неопредѣленные слухи о различныхъ проэктахъ реформы духовныхъ школъ, ходившіе въ обществѣ, могли возбуждать только тревогу. Не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому важному вопросу и П. С-чъ. Самъ пройдя духовную школу и опытно извѣдавъ ея достоинства и недостатки, онъ думалъ, что нравственный долгъ обязываетъ его сказать свое слово о реформѣ духовныхъ училищъ. Печатно высказывать свои мысли, ссылаться на факты еще недавняго прошлаго было неудобно въ то время. Поэтому П. С-чъ рѣшился смѣло высказать свои мысли о реформѣ духовныхъ школъ одному изъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ 1859 году онъ подаетъ особую записку князю С. Н. Урусову, въ которой откровенно изложилъ свои мысли о занимавшемъ его вопросѣ. Возвращая эту записку, князь писалъ П. С-чу: „Считаю пріятною для себя обязанностію выразить вамъ мою искреннюю признательность за теплое участіе къ дѣлу, на которое обращено всеобщее вниманіе и которое, по моему мнѣнію, между дѣлами нашего вѣдомства есть наиважнѣйшее. Не сомнѣваюсь, что комитетъ, который предполагается образовать въ непродолжительномъ времени, признаетъ многія изъ вашихъ соображеній вполне справедливыми и удобными къ принятію: имя же ваше будетъ отъ него, какъ вообще отъ всѣхъ, скрыто сообразно съ вашимъ желаніемъ. Впрочемъ я не могу допустить мысли, чтобы благородная откровенность въ изложеніи мнѣній, чуждая запальчивости и неприличной шутильвости, ищущая общаго блага, а не суетнаго самовосхваленія, могла обратиться вамъ или другому лицу во вредъ. Какую участь приготовили бы нашему предпріятію, если бы страхъ отвѣтственности за мнѣнія заградилъ уста честныхъ и здравомыслящихъ людей, опытно извѣдавшихъ дѣло духовнаго образованія“.

Записка касается различныхъ вопросовъ духовнаго школьнаго образованія и можетъ дать понятіе о томъ, какъ отнеслись къ вопросу о духовно-училищной реформѣ воспитанники старой школы, какіе они имѣли планы этой реформы и на какихъ основаніяхъ утверждались ихъ мнѣнія.

„Вопросъ о преобразованіи семинарій, писалъ П. С-чъ въ своей запискѣ, чрезвычайно важенъ для будущности Россіи. Характеръ духовенства и его образованіе должны опре-

дѣлать характеръ духовно-нравственнаго развитія русскаго народа. Потому долгъ всякаго вѣрнаго сына церкви и отечества содѣйствовать по мѣрѣ разумѣнія лучшему разрѣшенію этого вопроса. Это побуждаетъ и меня сказать, что нибудь о вопросѣ такъ важномъ для блага церкви и отечества. Справедливо къ разрѣшенію этого вопроса приглашаютъ пастырей церкви и Ректоровъ семинарій. Справедливо допускаютъ къ участію въ рѣшеніи этого вопроса и міряныя. Первые начальники, вторые паства. Первые смотрятъ сверху, вторые снизу. Но справедливо ли исключаютъ изъ участія въ рѣшеніи этого вопроса самихъ священниковъ? Кто можетъ лучше сказать, удовлетворительна ли нынѣшняя система образованія духовнаго для священниковъ, и если не удовлетворительна, то что требуется отъ нея, чтобы она достигала своей цѣли? Не нужны ли какія-нибудь еще мѣры и послѣ окончанія курса для того, чтобы священникъ былъ истиннымъ пастыремъ своего стада? Призовите всѣхъ желающихъ подать свой голосъ священниковъ къ этому дѣлу, просите у нихъ полной откровенности мнѣній во имя блага церкви и примите самыя бранчливыя статьи съ любовью и благодарностію. Они болѣе выскажутъ вамъ правдиваго и полезнаго не по теоріи, а по практикѣ. Пусть они высылаютъ свои замѣчанія прямо въ Комитетъ, а не въ руки епархіальныхъ архіереевъ и по желанію ихъ имена ихъ могутъ остаться неизвѣстными. Почему опять не приглашены всѣ наставники академій и семинарій подать свой голосъ въ этомъ дѣлѣ? Ректора не лучшіе по способностямъ и познаніямъ люди. Множество профессоровъ и умнѣе и опытнѣе ихъ въ дѣлѣ педагогіи. Если дѣло коснется училищъ, то и смотрителя и инспектора училищъ и учителя могутъ сказать много полезнаго. Всѣ они получили семинарское образованіе. Слѣдовательно всѣ могутъ быть судьями въ этомъ дѣлѣ. Не страшитесь множества мнѣній; ихъ не будетъ много. Отзовутся только болѣе талантливые люди. Можетъ быть мудрый совѣтъ услышится отъ того, отъ кого и не ожидаютъ. Лучшіе судьи не всегда бываютъ тѣ, которые поставлены судьями. У многихъ есть заблужденіе, что стоитъ только поставить человѣка на извѣстномъ мѣстѣ и онъ будетъ достоинъ его. Такъ странно было слышать, когда архимандритамъ Леониду и Саввѣ предлагали быть

Ректорами миссіонерской академіи. Затѣяютъ прекрасное дѣло и испортятъ его, назначивъ начальниками людей, которые совсѣмъ не способны къ этому. Для миссіонерской академіи нуженъ начальникъ дѣйствительный миссіонеръ, который бы зналъ это дѣло опытно. Участіе свѣтскихъ лицъ, не вышедшихъ изъ духовнаго званія и не получившихъ духовнаго образованія, въ преобразованіи духовныхъ школъ должно быть допускаемо съ крайнею осторожностію. Они могутъ сказать, что мы желали вотъ того отъ священника, вотъ этого, намъ нравится въ нихъ то и это. Они могутъ указать, какъ въ свѣтскихъ училищахъ достигаются извѣстныя цѣли, но приложеніе этого къ духовнымъ школамъ должны предоставить совершенно на волю и разсужденіе лицъ духовныхъ. Уважая Тертія Ивановича Филиппова, назначеннаго дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ преобразованія духовныхъ училищъ, какъ добраго христіанина и благороднаго человѣка, по исключительности многихъ его мнѣній, не считаю его способнымъ для этого дѣла. Нужно было бы пригласить для этого кого нибудь изъ молодыхъ профессоровъ академіи или семинаріи Петербургской. Кто нибудь изъ директоровъ при Синодѣ долженъ быть назначенъ въ комитетъ членомъ его. Онъ будетъ восполнять односторонность возрѣній духовныхъ лицъ. Хорошо бы пригласить въ комитетъ кого нибудь опытнаго изъ министерства народнаго просвѣщенія“.

Далѣе въ своей запискѣ П. С-чъ высказываетъ рядъ мыслей объ управленіи въ семинаріяхъ и академіяхъ, о наставникахъ, объ устройствѣ семинарій. Свои мысли П. С-чъ высказываетъ съ свойственною ему прямою и нѣкоторою горячію, какъ такія убѣжденія, которыя глубоко имъ передуваны и перечувствованы.

„Мнѣнія о преобразованіи семинарій, писалъ П. С-чъ, отбираются у Ректоровъ семинарій. Естественно, что они говорятъ о всемъ, кромѣ своей власти. Между тѣмъ никто такъ не опредѣляетъ и умственнаго, и нравственнаго характера семинарій, какъ Ректоръ. Отъ одного архіерея я слышалъ, что стоитъ спросить священника при какомъ Ректорѣ онъ воспитывался, чтобы опредѣлить характеръ его дѣятельности и усердія къ дѣлу. Онъ можетъ развратить всю семинарію и можетъ влить въ нее духъ благочестія. Власть Рек-

тора совершенно неограничена и надъ наставниками и надъ учениками. Нѣтъ почти примѣровъ, чтобы Ректоръ, даже при незаконныхъ своихъ дѣйствіяхъ, оказывался виновнымъ предъ высшимъ начальствомъ, если онъ судился съ подчиненнымъ. Ректоръ бываетъ бичемъ семинаріи и губителемъ юношества, а все-таки остается Ректоромъ, даже повышается. Вообще, если Ректоръ нѣсколько лѣтъ служить при одной семинаріи, то вѣрное правило: каковъ Ректоръ, такова семинарія. Поэтому при преобразованіи семинаріи необходимо обратить вниманіе на самихъ Ректоровъ.

У насъ заведено, что Ректорами бываютъ монахи. Ученый монахъ, особенно магистръ непременно дѣлается Ректоромъ. Никогда не разсуждаютъ: способенъ или нѣтъ онъ быть Ректоромъ и если нѣсколько лѣтъ послужилъ инспекторомъ, его дѣлаютъ Ректоромъ. Выходитъ то, что семинарія существуетъ для Ректоровъ, а не Ректора для семинаріи. Ученый идетъ въ монахи съ тою цѣлю, чтобы быть Ректоромъ, а потомъ архіереемъ. Не говоримъ о томъ, что этимъ совершенно искажается идея монашества, нарушаются обѣты его, самое званіе Ректора становится для него переходною ступенью. Онъ ждетъ и ищетъ семинаріи получше и повыше съ монастыремъ болѣе доходнымъ или дожидается архіерейства. Лишь чуть почтеть онъ себя кандидатомъ архіерейства, тотчасъ выпускаетъ изъ рукъ все управленіе семинаріей, перадить о дѣлахъ и при всякомъ движеніи говорить: не азъ ли Господи? При этой частой смѣнѣ Ректоровъ и семинарія, вся зависящая отъ Ректора, не можетъ быть благоустроенною. Самъ Ректоръ считаетъ себя временнымъ гостемъ и потому не имѣетъ усердія много заниматься семинаріей. Если бы захотѣлъ заняться, то не успѣетъ познакомиться хорошо съ нуждами, потребностями семинаріи, наставниками и учениками. Другая невыгода назначенія монаховъ Ректорами та, что они не знаютъ опытно жизни священнической и семейной и потому не могутъ давать нужныхъ совѣтовъ и руководствъ для будущей жизни семинаристовъ. Они считаютъ даже грѣхомъ и вреднымъ для учениковъ говорить объ ихъ будущей семейной жизни внѣ ихъ опеки. Дальше семинаріи Ректора не хотятъ ничего видѣть. „Выйдете изъ семинаріи, говорилъ намъ Ректоръ, самъ строгій подвижникъ, хоть на семи сукахъ женитесь“. И это было

единственное наставленіе о будущемъ нашемъ служеніи. Помню, предъ окончаніемъ курса собралось насъ нѣсколько человѣкъ потолковать о приближающейся вакаціи и о мѣстахъ священническихъ. „А что, братцы, сказали одинъ изъ товарищей, готовы ли мы къ будущему служенію? Понимаемъ ли мы хоть сколько нибудь обязанности, которыя возложатъ на насъ?“ Эти слова, какъ ударъ молніи, освѣтившій предъ нами пропасть, прервали нашъ разговоръ и мы въ раздумьи разошлись по своимъ мѣстамъ.

Что же нужно дѣлать?

1) Нужно прекратить частую смѣну Ректоровъ. Пусть Ректоръ до самаго архіерейства остается на одномъ мѣстѣ. Чтобы ему не было соблазна искать лучшаго мѣста, нужно уравнивать положеніе всѣхъ Ректоровъ, именно назначить имъ высшее противъ нынѣшняго жалованье и отнять монастыри.

2) Гдѣ есть возможность выбрать въ Ректоры опытнаго и умнаго Протоіерея, тамъ опредѣлять ихъ преимущественно. Во всякомъ случаѣ чтеніе пастырскаго богословія поручить непременно опытному и умному священнику. Пастырскому богословію назначить въ послѣдній годъ три или четыре класса въ недѣлю. Какъ скоро выбранъ благонадежный священникъ, не требовать отъ него ни конспекта, ни системы. Пусть всѣ его лекціи будутъ бесѣдою опытнаго отца съ дѣтьми. Для системы можетъ существовать какой нибудь учебникъ готовый. Выборъ преподавателя Пастырскаго богословія предоставить духовенству. Ни Синодъ, ни архіерей, ни академическое Правленіе не знаетъ такъ священниковъ, какъ сослуживцы. Не надо обращать вниманіе при выборѣ преподавателя Пастырскаго богословія на ученую степень; только бы онъ былъ опытнымъ священникомъ. А то не нелѣпо ли поручать чтеніе Пастырскаго богословія студенту только что вышедшему со скамьи академической или монаха, которому не зачѣмъ и останавливаться долго на этихъ предметахъ. Спросите любаго мыслящаго священника, извлекъ ли онъ какую нибудь пользу изъ теоретическихъ уроковъ Пастырскаго богословія, слышанныхъ имъ въ семинаріи? Конечно тотъ преподаватель пастырскаго богословія будетъ лучше, который съ ученостію соединяетъ и опытность. Онъ будетъ преподавать опыты своего служенія, возводя ихъ въ правила науки.

з) Не излишне было бы въ число членовъ Правленія включить еще трехъ или четырехъ профессоровъ, чтобы голосъ Ректора и инспектора, обыкновенно молодыхъ монаховъ, не имѣлъ исключительнаго перевѣса. Въ академіяхъ произволъ Ректора ограничивается тѣмъ, что всегда есть тутъ профессора и умомъ и знаніемъ и опытностію, пріобрѣтенною чрезъ долговременную службу, несравненно превосходящіе Ректора. Ректоръ даже противъ воли подчиняется ихъ нравственному вліянію. Отъ назначенія монаховъ Ректорами происходитъ конечно и въ академіяхъ тѣ же самыя невыгоды, какъ и въ семинаріяхъ. Здѣсь бываетъ еще новое зло. По неимѣнію достойнаго монаха въ академіи, назначаютъ Ректорами изъ Ректоровъ семинаріи, которые никогда не были наставниками въ академіи. Отъ науки они всегда отстали, они вносятъ семинарскіе взгляды и приемы въ академію. Пріобрѣтать познанія имъ уже поздно и нѣтъ времени по многочисленности другихъ занятій и вся ихъ забота въ томъ, чтобы прикрывать свои недалекія свѣдѣнія. При часто возникающихъ ученыхъ вопросахъ Ректоръ самъ собою ничего не могъ бы сдѣлать безъ участія и содѣйствія старшихъ профессоровъ. Онъ уменъ ихъ умомъ, ученъ ихъ ученостію. Потому-то и въ другихъ дѣлахъ долженъ обращаться къ ихъ совѣту. Самое это положеніе Ректора въ академіи приводитъ къ мысли узаконить то, что есть по необходимости на самомъ дѣлѣ, то есть управление академіею ввѣрить совѣту профессоровъ. Дѣла Ректоръ не можетъ безъ нихъ сдѣлать, а капризы свои, свои эгоистическіе виды можетъ преслѣдовать. На Ректора академіи смотрятъ какъ на пришлаго временщика, котораго терпятъ со всѣми недостатками, утѣшаясь надеждою, что онъ выдетъ скоро и на его мѣсто поступитъ другой, лучшей. Духъ академіи и степень ея преспѣванія опредѣляются старшими профессорами. Гораздо бы лучше было сдѣлать званіе Ректора избирательнымъ. Чтобы академія успѣшнѣе трудилась на поприщѣ науки, нужно предоставить ей болѣе свободы. Теперь монахъ Ректоръ, ожидающій себѣ повышенія отъ милости архіерея, не сдѣлаетъ шагу, предварительно не спросясь его. Но какой геній ни будь мѣстный архіерей, онъ не можетъ понимать всѣ нужды академіи, всѣ потребности науки въ современномъ ея развитіи. Въ конференціи знаетъ

о дѣлахъ только Ректоръ съ секретаремъ: собраній не бываетъ. Частное мнѣніе одного члена облакаютъ въ значеніе приговора конференціи. Вездѣ отсутствіе законности, произволъ ректорской власти“.

4) Во всякомъ случаѣ необходимо семинаріи подчинить совершенно мѣстному архіерею. Въ семинаріяхъ воспитываются будущіе священники его паствы. По окончаніи семинарскаго курса они вступаютъ въ непосредственное его распоряженіе, а во время ученія не подлежатъ его власти. Теперь архіерей въ семинаріи полухозяинъ. Отношенія архіерея къ академическимъ правленіямъ часто соединено съ такими непріятностями, что онъ совершенно отказывается отъ участія въ дѣлахъ семинарскихъ. Академіи, освобожденные отъ дѣлъ семинарскихъ, получаютъ болѣе свободы для ученыхъ занятій. Если инныя академіи и будутъ отстаивать зависимость семинарій отъ нихъ, то только отъ любочестія. Пользы отъ этой зависимости рѣшительно нѣтъ никакой. Ревизоры только прогуливаются на казенный счетъ и въ отчетахъ своихъ разнообразяютъ одиѣ и тѣ же фразы, порою придавая имъ грому несбыточными проэктми. Между тѣмъ тратятъ казенныя деньги на проѣзды и на угощеніе употребляютъ суммы изъ содержанія и безъ того бѣдныхъ учениковъ семинаріи. Скажутъ: архіерей можетъ быть слабъ, но и ревизоръ можетъ быть слабъ. Одно другому равносильно. Теперь напр. знаю, что дошло до академическаго правленія свѣдѣніе, что одинъ Ректоръ ведетъ самую безпорядочную жизнь, такъ колотитъ учениковъ, что съ ногъ сшибаетъ. Архіерей молчитъ вѣроятно потому, что семинарія зависитъ отъ академическаго правленія, а академическое правленіе молчитъ потому, что нѣтъ официальныхъ жалобъ. Между тѣмъ былъ ревизоръ въ этой семинаріи и могъ узнать много лѣтъ продолжающуюся безпорядочную жизнь этого человѣка. Въ экстренныхъ случаяхъ конечно можетъ быть назначаемъ ревизоръ. И что можетъ узнать ревизоръ? Опушенія по формѣ, а не духъ семинаріи“.

О наставникахъ академіи и семинарій. „Студенты духовной академіи прямо со скамьи студенческой восходятъ на кафедру профессорскую. Очень естественно, что они не имѣютъ обстоятельнаго познанія своей науки. Характеръ академическаго образованія таковъ, что болѣе способствуетъ развитію

мышленія, нежели обогащенію познаніями; въ академіяхъ обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на сочиненія, а не на устные отвѣты. Хорошъ или нѣтъ этотъ методъ образованія, не стану разсуждать. Но слѣдствіе его то, что студентъ академіи становится способнымъ усвоить всякую науку, которой долженъ учить, служить на всякомъ мѣстѣ, гдѣ ни поставленъ. Если есть усердіе къ дѣлу, если есть побужденіе къ занятіямъ, то изъ студента духовной академіи чрезъ два года выдетъ хорошей наставникъ, хотя сначала онъ можетъ показаться невѣждою въ своемъ дѣлѣ. Былъ напримѣръ случай, что на математику назначили человѣка не видавшаго учебника математики и изъ него вышелъ отличный профессоръ математики въ академіи. Конечно лучше бы было, еслибы была возможность года два давать на приготовленіе къ извѣстному предмету. Въ семинаріяхъ наставникамъ молодымъ не такъ тяжело, потому что познаній, вынесенныхъ ими изъ академіи весьма достаточно для семинаристовъ. Но въ академіяхъ первые два или четыре года бываетъ весьма трудно и только ограниченное число классовъ при постоянной работѣ даетъ возможность готовить лекціи. Студенты академіи взыскательны къ наставникамъ; ихъ не увлечешь громкими фразами, какъ дѣлаютъ иные наставники въ университетахъ. Нѣкоторые профессора университетовъ читаютъ только извѣстные отдѣлы изъ науки и такимъ образомъ получаютъ возможность въ теченіе нѣсколькихъ курсовъ обработать свою науку въ подробности. Это было бы полезно и для наставниковъ академіи. Говорятъ: дѣятельность университетскихъ наставниковъ гораздо плодотворнѣе и обширнѣе. Причина этой славы заключается въ томъ, что ихъ труды и вліяніе виднѣе. Въ Московскомъ университетѣ почти 2000 человѣкъ, въ Московской духовной академіи 90 человѣкъ. Труды университетскихъ профессоровъ интересуютъ публику и находятъ цѣнителей. Между тѣмъ труды духовныхъ и мало извѣстны и не могутъ найти цѣнителей. Замѣчательныя произведенія по духовнымъ наукамъ появлялись въ свѣтъ, не возбуждая вниманія публики. Сколько времени кричали объ аббатѣ Сугеріѣ, а о жизни Аванасія великаго, неизмѣримо выше стоящей въ ученomъ отношеніи, не сказали ни слова. Для профессоровъ университета обработка ученыхъ трудовъ легче,

потому что они могутъ прямо пользоваться иностранными трудами; въ духовныхъ академіяхъ всѣмъ иностраннымъ нужно пользоваться съ крайнею осторожностію и критикою и разрабатывать науку самостоятельно въ духѣ православномъ. Наставники въ университетѣ, обеспеченные хорошимъ жалованьемъ, посторонними должностями, наградами и отличіями, долго служатъ при университетѣ. Между тѣмъ въ академіяхъ очень немного старыхъ наставниковъ. Часть наставниковъ академіи монахи, которые переходятъ съ должности на должность, пока не выдутъ изъ академіи. Другіе служатъ до тѣхъ поръ, пока не обзаведутся семействомъ и тогда поневолѣ отъ недостатка средствъ содержанія оставляютъ академію. Иногда заразъ пять, шесть человекъ молодыхъ наставниковъ приходится опредѣлять въ академію. Причина эта, кромѣ скуднаго жалованья, ограниченное число ординарныхъ профессоровъ, не возвышеніе оклада жалованья экстраординарнымъ профессорамъ, отсутствіе награды за службу. Главное же профессора академіи не имѣютъ той свободы въ изданіи своихъ трудовъ, какую пользуются университетскіе профессора. Они легко помѣщаютъ свои труды въ свѣтскихъ журналахъ по самому предмету подходящіе къ содержанію ихъ, отвѣчаютъ они только передъ публикою и единственное ограниченіе ихъ—правила цензуры. Если же изъ духовныхъ кто либо напишетъ статью для свѣтскаго журнала, то онъ скрываетъ свое имя, иначе ему поставятъ въ вину это участіе. Ему не позволяютъ даже касаться современныхъ вопросовъ. Одинъ преподаватель исторіи философскихъ наукъ, въ то время когда Гегелизмъ господствовалъ въ нашей литературѣ, представилъ къ экзамену статью о Гегелѣ, съ изложеніемъ его ученія и опроверженіемъ. Мало того, что его обругали на экзаменѣ, два года не рекомендовали надежнымъ. Статья духовнаго содержанія не находитъ мѣста въ свѣтскихъ изданіяхъ и самая духовная цензура такъ строга, что многого не пропускаетъ.

Нужно ли, чтобы наставники академій и семинарій были лица духовныя? Одно уже то, что академіи въ настоящемъ своемъ составѣ представляютъ столько отличныхъ профессоровъ во фракахъ, должно говорить сильно противъ этого требованія. Кто любитъ науку, тотъ избираетъ родъ жизни, ко-

торый болѣе представляетъ удобствъ. Свѣтская одежда духовныхъ наставниковъ даже благопріятствуетъ успѣхамъ науки, представляя имъ болѣе свободы входить въ сношенія съ свѣтскими учеными. При владычествѣ монаховъ и ихъ часто деспотическомъ образѣ дѣйствій свѣтская одежда есть единственная защита для ученаго профессора, открывающая ему возможность въ случаѣ притѣсненій избрать другой путь“.

О штатахъ для семинарій. „Не затруднять нужно доступъ дѣтямъ духовенства въ семинаріи, но всячески облегчать и расширять изъ опасенія, чтобы они сами не перестали наполнять семинаріи. Тѣсно ограничивать штатами семинаріи не должно: 1) потому, что могутъ возникнуть особыя обстоятельства, когда вдругъ понадобится много духовныхъ лицъ. Въ Азій есть обширная почва для христіанства; какое нибудь потрясеніе въ этомъ мірѣ можетъ совершить его обращеніе въ христіанство и кромѣ семинаристовъ и притомъ изъ духовнаго званія не найдется людей туда для духовныхъ должностей. 2) И для общества полезно, если люди, получившіе хорошее духовное образованіе и воспитаніе, являются иногда на гражданской службѣ, какъ проводники духовныхъ идей въ общество. 3) Лучше выбирать изъ многихъ, нежели по неволѣ назначать всякаго и малоспособнаго. 4) Всегда нужно опасаться не того, что много будетъ лишнихъ, а того, что мало будетъ желающихъ вступить въ духовное званіе. Духовное званіе, исключая монашескаго—этого пути отреченія, а вѣрнѣе привлеченія всѣхъ благъ земныхъ,—имѣетъ слишкомъ мало внѣшнихъ выгодъ. Священный санъ отдѣляетъ отъ всѣхъ удовольствій общества, представляетъ скудныя средства содержанія, никакой карьеры впереди и малую надежду на улучшеніе своего быта. Нужно съ юности расположить себя къ этому званію, чтобы рѣшиться принять его. Если бы у насъ не образовалось духовнаго сословія семейнаго, то наши приходы не имѣли бы и такихъ священниковъ, какихъ имѣютъ теперь. На поприщѣ всякой другой службы человѣкъ способный пріобрѣтаетъ себѣ имя и состояніе, а духовный перебивается изъ году въ годъ, чтобы прокормить семью, дать воспитаніе дѣтямъ. Товарищи его, вышедшіе въ свѣтское званіе, имѣвшіе менѣе счастливыя способности, составили состояніе, поль-

зуются почетомъ, а онъ остается все тотъ же бѣдный сельскій священникъ. Давая воспитаніе дѣтямъ духовенства бесплатно, начальство нѣсколько вознаграждаетъ его за смиренную службу. Рѣчи о богатствѣ духовныхъ рѣшительныя сказки, развѣ только достались имъ деньги отъ отречшихся отъ собственности монаховъ по ихъ смерти. Сельскій священникъ считается богатымъ, если онъ имѣетъ тысячу, другую въ запасѣ, скопленную путемъ лишеній для дочерей. Священникъ, приближаясь къ старости, не знаетъ, будетъ ли онъ имѣть кусокъ хлѣба. Для всѣхъ служащихъ есть пенсіоны, только священники не имѣютъ. И нерѣдко можно встрѣтить заслуженнаго протоіерея, лежащаго на койкѣ въ богадѣльнѣ. Такъ священническая жизнь тяжелая въ настоящемъ, не представляетъ утѣшенія и въ будущемъ. А страшная отвѣтственность предъ Богомъ, а постоянное опасеніе за одно недоразумѣніе попасть во дьячки. Между тѣмъ самая усердная служба вознаграждается какимъ-нибудь набедренникомъ, много много скуфьею. Въ случаѣ какихъ либо притѣсненій у него нѣтъ возможности перейти къ другому начальнику, перемѣнить мѣсто службы и родъ ея, какъ это могутъ дѣлать свѣтскіе. Не думайте, чтобы эти мысли не посѣщали головы духовныхъ. Но привычка къ своему званію, эта простота жизни, эта близость къ Богу и святость служенія удерживаютъ въ немъ. Какъ часто случается, что матери на одрѣ смерти умоляютъ, заклинаютъ сыновей вступать въ духовное званіе, чтобы они были всегдашними предстателями за нихъ предъ Богомъ. Мудрено предположить, чтобы лица изъ другихъ сословій охотно избирали смиренную долю священнослужителей церкви. Явятся желающіе быть архіереями для чести и власти, не давая себѣ отчета во всей святости, высотѣ, трудности и скорбяхъ этого служенія. Есть два примѣра такихъ въ нашей церкви и нисколько не утѣшительныхъ. Церковь ничегдѣ въ нихъ себѣ не приобрѣла. Непонимающіе нужды духовенства и всѣхъ обязанностей своего званія они будутъ или бичами духовенства, или игрушкою лукавыхъ людей. И теперь слышится непріязненное расположеніе бѣлаго низшаго духовенства къ черному высшему, а когда ихъ будетъ раздѣлять и сословное различіе, между ними вспыхнетъ непримиримая вражда. У насъ поднимается уже вопросъ о законности преоблада-

нія чернаго духовенства. Законно ли такое преобладаніе? По первымъ правиламъ церковнымъ дѣвственники и подвижники поставлялись послѣ клира—и это ставилось для нихъ отличіемъ. По уставу Пахомія ни одинъ монахъ не смѣлъ принимать на себя никакой степени священства. Епископъ Александрійскій Александръ первый сталъ ихъ допускать до степени священства. Но истинные монахи продолжали считать это служеніе въ санѣ священномъ не подобнымъ съ обѣтами монашества. Драконтій, которому св. Аѳанасій предлагалъ епископство, долго отъ него отказывался, почитая этотъ санъ несомвѣстимымъ съ иночествомъ. Нужны были самыя настоятельныя убѣжденія со стороны Аѳанасія, чтобы склонить его къ сему. Причина выбора монаховъ заключалась въ смутныхъ обстоятельствахъ времени, по недостатку надежныхъ людей изъ клира. Хотя и послѣ мы видимъ, что нерѣдко избирали монаховъ епископами, но церковь не произнесла на это утвержденія. Шестое правило четвертаго вселенскаго собора предоставляетъ только монастырямъ имѣть своихъ священнослужителей, но не говорить, чтобы они избирались изъ монаховъ. Императоръ Аркадій только при недостаткѣ клириковъ позволялъ епископамъ поставлять на священныя степени монаховъ и то на низшія. Императоръ Юстиніанъ опредѣлилъ, чтобы въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ есть храмы, изъ старшей братіи монастырской избирались четыре или пять человекъ для прохожденія должностей пресвитера, діакона и низшихъ степеней клира. Отсюда видно, что въ законодательствѣ греческомъ допущеніе иноковъ до священныхъ степеней было только частною уступкою, такъ сказать временною мѣрою. Церковь какъ будто желала отмѣнить это постановленіе гражданской власти, постановивъ правиломъ, чтобы епископы, принявшіе монашество слагали съ себя свой епископскій санъ, потому что монашество есть путь покаянія и смиренія, а епископство есть власть и честь. Отклоняютъ это правило тѣмъ, что если кто прежде принялъ монашество, тотъ можетъ быть епископомъ. Но не странна ли такая увертка? Развѣ не лежитъ на немъ тотъ же обѣтъ покаянія и смиренія? Напротивъ изъ этого постановленія должно заключать, что монахи не возводились въ то время въ епископскій санъ. Такъ въ греческой церкви мы находимъ не оправданіе, но скорѣе

осужденіе избранія монаховъ въ епископскій санъ. По глубокому моему внутреннему убѣжденію я считаю совершенно несообразною съ обѣтами монашества епископскую власть. Положимъ, что исключительное возведеніе монаховъ на епископскую кафедру имѣетъ основаніе въ томъ постановленіи церковномъ, что епископы не должны имѣть жень, но скажите, какое правило опредѣляетъ, чтобъ Ректора и начальники училищъ были монахи? Зачѣмъ брать на себя воспитаніе чужихъ дѣтей тѣмъ, которые отказались имѣть своихъ и воспитывать ихъ? Зачѣмъ обременять разными заботами по управленію и хозяйству лицъ, которыя отказались отъ всѣхъ заботъ мірскихъ? Неужели худой монахъ лучше хорошаго не монаха? Очевидно, семинаріи и училища сдѣлались не болѣе какъ арендою монаховъ, не обращая нисколько вниманія на благо духовныхъ училищъ. Опасеніе, что некого будетъ дѣлать архіереями напрасно. Архіереи могутъ быть избираемы изъ профессоровъ—монаховъ. Могутъ быть избираемы архіереи изъ настоятелей монастырей, изъ вдовыхъ протоіереевъ, уже знакомыхъ съ дѣлами консисторіи. Какъ угодно, но быстрое возвышеніе монаховъ по степенямъ ученыхъ и административнымъ не можетъ быть признано явленіемъ законнымъ и на него не иначе можно смотрѣть какъ на злоупотребленіе, которое всегда будетъ вызывать сильную оппозицію. Каково товарищамъ, которые превосходили и дарованіями и успѣхами въ наукахъ и самымъ усердіемъ къ дѣлу, видѣть, что слабѣйшіе ихъ и малоспособнѣйшіе единственно за то, что надѣли черную ряску и клобукъ возводятся къ нимъ въ начальники. Есть ли что нибудь подобное въ другихъ вѣдомствахъ? Правда, въ гражданской службѣ аристократы по рожденію берутъ преимущество предъ другими, но не всегда, а тогда только, когда они имѣютъ способности и охоту заниматься дѣломъ. Но въ монашествѣ это сдѣлалось необходимою привилегією. Не есть ли это самая горькая пропія надъ монашескими обѣтами? Не есть ли это самое глубокое искаженіе сего священнаго учрежденія? Эта мысль давно меня останавливала. Она удержала меня отъ поступленія въ ученые монахи. Она заставила предаться изученію исторіи монашества. Съ восторгомъ я погружался въ этотъ міръ подвижниковъ, пока они въ пустыняхъ только пеклись о спасеніи

своей души. Но перо выпадало изъ рукъ моихъ, когда я сталъ слѣдить за ихъ вторженіемъ въ церковныя и правительственныя дѣла, за ихъ покровительство разнымъ ересямъ Восточной церкви, вышедшимъ преимущественно изъ монашескихъ келлій. Уже не слова благоговѣнія, но слова укора готовы пасть на это сословіе. Монашество прекрасно, пока оно не выступаетъ изъ своихъ обѣтовъ, пока оно не силится захватить себѣ верховную власть въ церкви. У насъ степени ученія и кафедры раздаются по монашеству. Нужно прекратить это злоупотребленіе. Равно постановить правиломъ, чтобы іеромонахъ въ сослуженіи съ бѣлымъ священникомъ уступалъ ему первенство. Не предсѣданіе должны возлюбить монахи, чтобы не уподобиться фарисеямъ, но послѣднія мѣста для утвержденія въ духъ смиренія. Выводъ тотъ, что въ ученія должности надо выбирать не по одеждѣ, а по способности. При одномъ этомъ условіи возможно и умственное и нравственное преспѣваніе училищъ духовныхъ. Нужно уничтожить тотъ деспотизмъ управленія, который господствуетъ въ духовныхъ училищахъ. Этотъ деспотизмъ переходитъ и въ учениковъ. Никогда не развивается чувство законности, ничѣмъ не поддерживается чувство любви къ ближнему. Если бы отеческая любовь и чувство довѣренности согрѣвали взаимныя отношенія начальниковъ и учениковъ, они перенесли бы эти свойства и въ отношенія свои къ будущей паствѣ.

Назначеніе особеннаго духовника, четырехкратное говѣніе, чтеніе отеческихъ поученій, особыя молитвы, частое присутствіе при богослуженіи—мѣры весьма полезныя и могущія принести благіе плоды“.

О допущеніи лицъ изъ другихъ сословій къ образованію въ семинаріяхъ по ихъ внутреннему расположенію.

„Законы наши никогда не воспрещали никому искать духовнаго образованія и мѣсть священническихъ. Прежде школы духовныя были общими или лучше единственными для всѣхъ. Съ образованіемъ свѣтскихъ училищъ образовались отдѣльныя школы духовныя, и только по принужденію духовенство стало отдавать туда своихъ дѣтей, изъ которыхъ выходили священники. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія не мало было священниковъ изъ дворовыхъ людей. При бѣдномъ положеніи священника и маломъ уваже-

ни оказываемомъ ему, лица изъ высшихъ сословій никогда не думали поступать во священники. Когда полученіе полнаго семинарскаго образованія сдѣлалось необходимымъ условіемъ полученія священническаго мѣста, дѣти духовныхъ лицъ, поневолю отдаваемые въ семинаріи, сдѣлались и единственными кандидатами священства. Если бы лица духовнаго званія имѣли возможность воспитывать своихъ дѣтей въ свѣтскихъ училищахъ, то не многіе отдали бы ихъ въ семинаріи. Даровое ученіе, дешевое содержаніе, преданія семейныя заставляютъ проводить дѣтей тѣмъ же путемъ, какимъ шли отцы. Во всякомъ случаѣ дѣти духовныхъ лицъ болѣе знакомы съ своимъ будущимъ служеніемъ, нежели дѣти лицъ изъ другаго сословія. Если и откроется доступъ въ семинаріи для лицъ другихъ сословій, едва ли будетъ много охотниковъ. Въ семинарію поступаютъ несовершеннолѣтніе; какое же у нихъ можетъ быть прочное собственное расположеніе къ священному служенію? Чтобы возникло подобное расположеніе, необходимо глубокое пониманіе святости и благодѣтельности служенія священника. Никто не предположитъ въ ребенкѣ подобнаго пониманія. Ему захочется развѣ помахать кадиломъ, надѣть ризы, его можетъ занять внѣшняя пышность служенія священническаго, а не внутреннее его духовное служеніе. Скорѣе воля родителей будетъ тутъ располагать опредѣленіемъ ихъ въ семинарію. Но какое же отъ этого будетъ преимущество предъ дѣтьми духовныхъ лицъ, для которыхъ воспитаніе дѣтей ихъ въ семинаріи есть вмѣстѣ и награда за ихъ службу и помощь въ ихъ бѣдности? Скажутъ: иногда въ юности открывается особенная ревность по благочестію, такъ что весьма полезно это юное благочестіе направить на служеніе церкви въ санѣ священника. Но благочестіе юности такой нѣжный и непрочный цвѣтокъ, что полагаются на добрые плоды отъ него мудрено. Это благочестіе есть дѣйствіе воображенія, возбужденнаго религіозными предметами. Ему нѣтъ почвы дѣятельной жизни, гдѣ оно могло пустить глубокіе корни. Это-то сѣмя, которое падаетъ на почву каменистую, покрытую легкимъ слоемъ земли; оно даетъ побѣгъ, но тотчасъ засохнетъ. Потомъ это чувство мало мирится съ наукой и школьнымъ порядкомъ, и я знаю примѣры, что юноши, предавшіеся такому чувству, оставляли семинаріи, бѣгали въ

монастыри и никакія убѣжденія не могли ихъ возвратить къ дѣятельной жизни. Молодое религиозное чувство есть по природѣ созерцательное. Оно погружается въ область видѣній, ждетъ озареній и вдохновеній. На препятствія и принужденія смотритъ какъ на гоненія первенствующихъ христіанъ и охотно вызываетъ ихъ, чтобы терпѣть ихъ ради Христа. Если это чувство и мирится съ школою, то изъ такого юноши выдетъ не священникъ, а монахъ. Но чаще кончались несчастнымъ образомъ эти порывы благочестія. Иное дѣло, если человѣкъ въ лѣтахъ зрѣлаго сознанія будетъ желать служенія священническаго; его крѣпко нужно держаться. Но и теперь такого человѣка всякій архіерей охотно возьметъ къ себѣ и даетъ ему предпочтеніе. Увлекаетъ ли иныхъ примѣръ западнаго духовенства? Римско-католическое духовенство какъ безбрачное пополняется изъ разныхъ сословій. „Постоянно возражающаяся необходимость обновлять себя приносила, говоритъ Гизо, болѣе вреда католицизму, нежели сколько могъ принести его сословный духъ, поддерживаемый брачнымъ состояніемъ духовенства. Она вносила въ среду духовенства вражду сословій, стремленіе духовныхъ изъ высшихъ сословій господствовать надъ духовными изъ низшихъ, замѣщать мѣста высшія не по достоинству лицъ, а по связямъ и интригамъ“. Этой ли вражды въ духовномъ сословіи добиваются преобразователи наши? До сихъ поръ охотниковъ итти въ духовное званіе лица высшихъ сословій не изъявляли. Дайте то богатое содержаніе, какимъ пользуется западное духовенство, тотъ блескъ и почетъ, которыми они окружены и у насъ явится много охотниковъ до высшихъ степеней въ духовномъ званіи. Теперь, когда для служенія церкви потребны исключительно самоотверженіе, готовность на скорби, лишенія, нищету, трудъ нести ихъ оказываются способными только лица вышедшія изъ духовнаго званія. Тѣ немногіе, которые не изъ духовнаго званія пытались было принять на себя это бремя, скоро почувствовали его тяжесть и отказались нести его. Духовный юноша не разочаруется въ томъ идеальномъ взглядѣ, въ какомъ можетъ представиться званіе священника незнакомому съ нимъ. Онъ твердо знаетъ, какой родъ жизни онъ избираетъ и что ждетъ его впереди. Скажутъ, что поступилъ не по призванію. Вотъ у крестьянина или мѣщанина

есть сынъ; его отдали въ школу и грамота далась ему. Слышитъ онъ, что можно и въ попы итти и онъ говоритъ: батька! отдай меня въ семинарію, я въ попы хочу. Идетъ отецъ совѣтоваться къ сосѣду. „Вотъ Ванюшка мой въ попы захотѣлъ, отдавать ли его въ семинарію?“ „Охота, сусѣдъ, въ кутейники лѣзть, и откуда произошла семинарія?—вѣдь отъ Симона да Арія. Если шустеръ мальчишка учиться, отдашь бы его въ гимназію, оттуда все баре выходятъ“. „Въ гимназіи то плати за него, а въ семинарии даромъ учать“. Ну и отдали его въ семинарію. Выучился онъ, узналъ, что ждетъ его въ селѣ и что было бы съ нимъ, если бы при его успѣхахъ онъ учился въ гимназіи; сердце сжимается, но уже поздно, обязанъ итти въ попы. На дѣлѣ онъ не знаетъ священнической жизни, не имѣетъ связи съ прочими лицами духовнаго званія и вотъ онъ одинъ лицомъ къ народу, который притомъ смотритъ на него плохо: нашъ же братъ мужикъ. Потомъ, у всякаго сословія есть свои интересы, свои понятія, свои стремленія. Всѣ эти интересы внесутся въ церковную область, будутъ прикрываться эгидою религіи. Къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ можетъ это вести, служить примѣръ шляхетскихъ тенденцій ксендзовъ, польскихъ коноводовъ и проповѣдниковъ бунта и мятежей. Гдѣ найти ручательство противъ того, что каждая враждебная правительству партія не озаботится ввести своихъ агентовъ въ среду духовенства, какъ они теперь стараются доставить имъ вліятельныя мѣста по всѣмъ вѣдомствамъ военной и гражданской службы“.

Какъ достигнуть въ воспитаніи семинаристовъ соединеніе внутренняго благочестія съ уваженіемъ къ церковности съ ея обрядами?

„Народъ нашъ преимущественно водится въ дѣлѣ религіи привязанностію къ внѣшнимъ обрядамъ церкви. Онъ считаетъ душеспасительнымъ дѣломъ поставить свѣчку, зажечь лампаду, приложиться къ иконѣ, отслужить молебенъ, отстоять службу, — большею частію нисколько не обращая вниманія на то, дѣйствія эти происходятъ ли изъ внутренняго благочестія, суть ли выраженія чувства любви къ Богу и святымъ. Онъ приписываетъ силу самымъ этимъ дѣйствіямъ. На самыя таинства смотритъ тоже съ внѣшней стороны. Не думаютъ о томъ, что съ раскаяніемъ во грѣхахъ

нужно соединять твердую рѣшимость къ исправленію жизни, а знаятъ только одно разрѣшеніе. Такъ и на посты не смотрятъ какъ на средство къ обузданію страстей, а даютъ силу только одному исполненію его. Случилось мнѣ слышать отъ опытныхъ духовниковъ, что когда они станутъ говорить о поврежденіи сердца исповѣдующагося, о его гибельномъ состояніи, онъ отвѣчаетъ: что же, батюшка, человекъ есть, а кажется въ церковь хожу, свѣчки ставлю, посты соблюдаю,— все дѣлаю, что приличествуетъ христіанину. Иной на подобныя обличенія прямо говорить: это не твое дѣло, батюшка, ты исповѣдуй. Вообще на священника смотрятъ только какъ на проводника внѣшнихъ средствъ освященія. Большею частію не любятъ въ приходяхъ ученыхъ священниковъ. Одна барыня постоянно жаловалась на своихъ священниковъ. Нѣсколько разъ архіерей переводилъ къ ней новыхъ, но все ей не нравились. Наконецъ она присылаетъ своего дьячка. Архіерей изъ любопытства захотѣлъ познакомиться съ нимъ, чтобы узнать, почему могъ пасть выборъ на него. Оказалось, что онъ набитый дуракъ. Архіерей спросилъ барыню, почему она рекомендуетъ его? „Правда онъ глупъ, сказала барыня, да какъ мокрая курица слова не скажетъ, а умные то все хотятъ учить“. Это взглядъ большей части малообразованныхъ людей.

Между тѣмъ духовное образованіе, раскрывая средства освященія, характеръ истиннаго благочестія, почти не даетъ никакой цѣны этимъ внѣшнимъ дѣйствіямъ благочестія, такъ уважаемымъ въ народѣ. Оно не вводитъ будущаго священника въ тайну души простаго человека. Священникъ уже расходится въ своемъ пониманіи съ народомъ. Сухость школьнаго воспитанія не развиваетъ его сердца къ сочувствію той художественно прекрасной сторонѣ, которая выразилась въ нашемъ богослуженіи. Мы бы сказали, если бы не опасались быть неправильно понятыми, что у насъ направленіе въ духовныхъ школахъ есть лютеранское, потому что одна изъ отличительныхъ чертъ лютеранства есть именно отверженіе эстетической стороны въ христіанствѣ. Вслѣдствіе такого воспитанія священникъ ревностный говоритъ чаще о недостаточности внѣшняго благочестія, о ничтожности предъ Богомъ всѣхъ этихъ знаковъ усердія, каковы ставленіе свѣчекъ, возженіе лампадокъ, внѣшніе посты. Но

по опыту знаю, когда станешь говорить объ этомъ съ людьми малообразованными, они тебя считаютъ еретикомъ и безбожникомъ. Знаю одно дворянское древнее по происхожденію своему семейство, всегда усердное къ церкви, жертвующее всѣмъ для украшенія храма, а между тѣмъ не являющее заботы о внутренней чистотѣ, о любви къ бѣднымъ. Много разъ начиналъ я говорить съ ними о пустотѣ подобнаго благочестія, мнѣ всегда отвѣчали: „вы и въ Бога то вѣрно не вѣруете въ вашихъ академіяхъ и семинаріяхъ“. Остается конечно, чтобы подѣйствовать на подобныхъ людей, проникнуться духомъ художественной стороны церковнаго богослуженія, обрядовъ, внѣшнихъ дѣйствій и чрезъ нихъ возводить къ духу благочестія истиннаго.

Поэтому то нужно 1) подробное изложеніе богослуженія нашей церкви въ семинаріяхъ. У насъ есть церковная археологія, но она разсматриваетъ богослуженіе съ историко-критической стороны. Семинаристамъ же нужнѣе знать духъ обрядовъ и значеніе ихъ. 2) Классы цѣня церковнаго учредить въ семинаріяхъ. 3) Гдѣ есть возможность—распространять въ семинаріяхъ изученіе живописи, иконописанія. 4) Стараться поддерживать уваженіе къ внѣшнимъ дѣйствіямъ благочестія. 5) Заставить хранить уваженіе къ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, не позволяя пить чай до обѣдни, одѣляя всѣхъ послѣ обѣдни антидоромъ. Въ именины непременно отпускать каждаго ученика въ церковь и требовать отъ него знанія житія своего святаго. Чтеніе Четвы-Минеи святителя Димитрія много способствуетъ развитію духа благочестія. Когда священникъ пріучится понимать богослуженіе православной церкви, научится цѣнить тѣ сокровища догматическихъ, нравственныхъ, историческихъ свѣдѣній, какія заключаются въ богослужебныхъ книгахъ, то не имѣя никакихъ другихъ пособій книжныхъ, будетъ имѣть въ рукахъ своихъ неистощимый источникъ для назиданія прихожанъ. Словами церковныхъ книгъ онъ можетъ раскрыть догматы и рассказать исторію праздниковъ и извлечь богатое назидательными мыслями нравственное приложение. Нужно только озаботиться поправить темноты и неточности въ церковныхъ богослужебныхъ книгахъ. Всякое дѣйствіе церковнаго богослуженія будетъ поучать и просвѣщать народъ. И это будетъ воспитаніе народа въ духѣ

чисто церковно-православномъ. Самъ священникъ вмѣсто того, чтобы отъ частаго богослуженія обратиться въ машинальнаго исполнителя требъ, будетъ проникаться живымъ чувствомъ плодотворности этихъ дѣйствій какъ проводниковъ благодати и назиданія народа. Изъ этого то живаго родника истины единственно близкаго священнику и не даютъ ему случая почерпнуть. Во время семинарскаго ученія даже не знакомятъ наглядно съ самыми книгами богослужебными, а тѣмъ менѣе указываютъ на важность ихъ для священника. Системы богословія всегда останутся достояніемъ школы, а не учебною книгою народа. Для руководства священникамъ я бы поручилъ кому либо сдѣлать сборникъ поученій, извлеченныхъ изъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Какъ могутъ быть назидательно увлекательны подобныя поученія, примѣромъ служатъ бесѣды покойнаго профессора Кіевской академіи Амфитеатрова. Для священниковъ эти сборники должны служить руководствомъ при составленіи собственныхъ поученій. Надобно замѣтить, что уваженіе къ церковности есть первое пробужденіе религіознаго чувства и потомъ его завершеніе. Какъ въ дѣтствѣ физическомъ, такъ и въ дѣтствѣ нравственномъ чувство благочестія сначала обнаруживается въ благоговѣннн ко всѣмъ обрядамъ и внѣшности церковной. Съ развитіемъ пониманія внутренняго благочестія охлаждѣваетъ уваженіе къ внѣшней обрядности, но по мѣрѣ созрѣванія духа благочестія онъ ищетъ опять привязанности къ церковности и успокоивается въ гармоніи внутренняго и внѣшняго“.

Нужно ли изученіе латинскаго и греческаго языковъ въ семинаріяхъ?

„Практическаго приложенія отъ знанія этихъ языковъ для сельскаго священника нѣтъ никакого. Не говорю о нынѣшнемъ изученіи этихъ языковъ: по выходѣ изъ семинаріи ученики совершенно ничего не знаютъ и не могутъ читать книгъ. Я помню священниковъ латинистовъ стараго времени, которые наизусть знали всего Горация, половину Virgilія, большую часть рѣчей Цицерона, но къ чему это? Они читали ихъ въ добромъ куражѣ, вспоминая старинное время и ругая наше поколѣніе, которое не могло начатую ими оду Горация продолжить наизусть. Латинскій языкъ введенъ у насъ по подражанію западнымъ училищамъ, гдѣ онъ есть

языкъ церковный. А у насъ часто случается, что семинаристъ, переводящій Цицерона не умѣетъ читать по славянски. Время употребляемое на изученіе этого языка точно потерянное. Въ училищахъ шесть лѣтъ учать одну и ту же грамматику Амвросія, а не выучиваются переводить по латинѣ. Если нужно оставить какой либо изъ древнихъ языковъ, то намъ ближе греческій. Но изученіе славянскаго языка въ древнихъ его памятникахъ должно входить въ составъ духовнаго образованія. Исторія русской литературы совсѣмъ не читается въ духовныхъ семинаріяхъ. Между тѣмъ нужно бы знать памятники древней церковной письменности и произведенія новѣйшихъ церковныхъ ораторовъ. Въмѣсто гомилетики нужно бы открыть курсъ русской церковной литературы. Ученики познакомились бы съ трудами нашихъ пастырей и учителей церкви и нашихъ ученыхъ. Тогда бы могла пробудиться и любовь къ древнимъ памятникамъ русской письменности. Они познакомились бы лучше и съ древнею исторіею Россіи и съ самымъ народомъ Русскимъ. Знать писанія митрополита Иларіона, Нестора, Кирилла Туровскаго, Іосифа Волоцкаго и прочихъ до послѣднихъ временъ духовныхъ писателей Россіи гораздо полезнѣе и поучительнѣе для нихъ и приложимѣе къ жизни, нежели изученіе сочиненій Цицерона, Плинія, Саллюстія, Горація и Виргилія“

Нужны ли экзамены?

„Экзамены въ духовныхъ училищахъ бываютъ публичные и частные. Назначеніе публичныхъ экзаменовъ то, чтобы постороннимъ показать успѣхи школы. Къ публичнымъ экзаменамъ назначаются особые отдѣлы изъ каждой науки. Если уроки, данные для повторенія ученикамъ къ экзаменамъ, составлены самимъ наставникомъ, то можно въ большей или меньшей степени судить о его способностяхъ, когда ученики буквально читаютъ его уроки. Но если представлены уроки по учебнику, то способности наставника нисколько не видны. Ученикъ же, если имѣетъ счастливую память и довольно усердія къ дѣлу, то выучить представленныя статьи и будетъ читать твердо. Слѣдовательно чтеніе этихъ статей свидѣтельствуетъ только о памяти ученика, а не о его способностяхъ и знаніи науки. Конечно экзаменующіе могутъ предлагать частные вопросы. Но предметовъ бываетъ такъ много,

что много вопросовъ дѣлать нѣтъ времени. И притомъ если экзаменъ заключается только въ частныхъ вопросахъ, то почему не ограничиться ими? Да и какая цѣль высказывать предъ другими успѣхи школы? Если школа готовить прекрасныхъ дѣятелей для общественной жизни—вотъ ея лучшей экзаменъ. Если отвѣты учениковъ на экзаменѣ публичномъ будутъ неудовлетворительны, то стыдно будетъ заведенію. Если удовлетворительны, то оно будетъ тщеславиться. И то и другое не хорошо. А сколько хлопотъ, сколько времени отнимаютъ эти публичные экзамены? И частныхъ экзаменовъ достаточно однихъ, если уже нужны они. Въ семинаріяхъ ради экзаменовъ большая часть времени теряется на повтореніе. Въ академіяхъ экзамены, кромѣ окончательнаго, пустая форма, которой никто не придаетъ значенія и которую сохраняютъ потому, что велятъ сохранять, не видя въ ней никакой пользы. Кто учился самъ и помнить свое ученіе и слѣдилъ за ученіемъ другихъ, тотъ убѣдится, что ученіе состоитъ главнымъ образомъ въ развитіи смысла, пониманія, взгляда на науку, а не въ усвоеніи всѣхъ сообщаемыхъ ею свѣдѣній. Никакая голова не удержитъ всего, что слышитъ отъ наставника. Пусть каждый припомнить, усвоилъ ли онъ при всемъ своемъ усердіи и всеи ревности учителя сообщенное ему по каждой наукѣ? Въ общемъ остается смутное, неясное знакомство съ наукою, знаніе нѣкоторыхъ подробностей, остановившихъ вниманіе, а цѣлаго и полнаго знанія науки нѣтъ. По крайней мѣрѣ я сужу по себѣ, а я всегда считался въ числѣ лучшихъ учениковъ. И если бы меня начали экзаменовать въ порядкѣ каждую науку, то вѣроятно показался бы я рѣшительно невѣждою. Поэтому нечего требовать преувеличенныхъ плодовъ отъ ученія и поставлять въ вину ученикамъ и ихъ наставникамъ, когда ученики не знаютъ обстоятельно науки. Школа только дѣлаетъ ученика способнымъ выучиться тѣмъ наукамъ, которыя въ ней преподаются. Сознательное пониманіе науки рождается только отъ глубокаго самостоятельнаго изученія. Экзамены между тѣмъ выставляютъ въ какомъ то фальшивомъ блескѣ знаніе науки. Посредствомъ сочиненія можно узнать развитіе мысли, но посредствомъ заученнаго отвѣта изъ науки не узнаешь свѣдѣній ученика въ ней. И наставники и ученики оцѣниваютъ отвѣты на

экзаменѣ названіемъ удачный или неудачный. Правда, тутъ дѣйствуетъ одна удача или неудача, а ничуть не знаніе“.

Нужны ли списки учениковъ?

„Составить вѣрный списокъ учениковъ нѣтъ возможности; онъ вѣренъ приблизительно при самомъ безпристрастномъ и внимательномъ составленіи. А между тѣмъ вѣрно, списки питаютъ гордость, пониженіе въ списокѣ отнимаетъ духъ къ занятіямъ. Записанный низко теряетъ уже надежду подняться и бросаетъ занятія. Иной поставленный недалеко отъ перваго разряда силится неумѣренными занятіями попасть въ него и получаетъ чахотку. Знаю нѣсколько такихъ примѣровъ. Нигдѣ нѣтъ такого неравенства между учениками, какъ въ семинаріяхъ. Тогда какъ первые отличные ученики, послѣдніе никуда не годятся. Списки способствуютъ подобному неравенству. Что касается до списковъ по нравственности, то вѣрный списокъ можетъ написать только Господь, какъ Сердцевѣдец“.

Въ 1861 году, когда А. В. Горскій представилъ въ академическую конференцію свои замѣчанія на журналы Комитета, занимавшагося вопросомъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, П. С—чь предложилъ на разсмотрѣніи конференціи и свои соображенія по этому вопросу. Въ своей докладной запискѣ П. С—чь предлагаетъ нѣкоторыя мысли о преподаваніи наукъ въ семинаріяхъ ¹⁾.

„Сельское хозяйство, пишетъ онъ, очевидно бесполезно въ семинаріяхъ. Священникъ не имѣетъ средствъ вести рациональное хозяйство и не можетъ жертвовать капиталомъ въ землю, которой онъ завтра же можетъ лишиться. Да и времени ему нѣтъ для этого. Обязанность распространять рациональное хозяйство лежитъ на землевладѣльцахъ. Медицина могла бы быть полезна, но не при нынѣшнемъ ея преподаваніи. Опыты показали, что ни одного семинариста нынѣшніе уроки не сдѣлали врачемъ. Тѣ только, которые практически въ званіи подлекарей занимались медициной въ больницахъ семинарій, оказались умѣющими подать помощь больному. Краткія понятія изъ естественной исторіи весьма полезны. Священникъ живетъ въ селѣ, въ близости съ природою. Ему нужно имѣть объ ней понятіе. Она больше

¹⁾ Докладная записка П. С—ча хранится въ бумагахъ А. В. Горскаго.

получить для него смысла и будетъ служить источникомъ утѣшенія и назиданія. Чтеніе катихизиса Петра Могилы непремѣнно нужно уничтожить. Оно введено тогда, когда считали еретическимъ катихизисъ митрополита Филарета. Въ семинаріяхъ не позволяютъ его пересказывать своими словами, а изучаютъ букву, не смотря на очевидное отсутствіе смысла въ нѣкоторыхъ вопросахъ. Обыкновенно и наставники и ученики и даже высшіе экзаменаторы смѣются при слушаніи нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Патристика въ семинаріяхъ легко войдетъ въ церковную исторію. Гомилетика будетъ имѣть мѣсто въ пастырскомъ богословіи. Герменевтика должна присоединиться къ классамъ чтенія священнаго писанія. Въмѣсто патристики полезно читать или общее богословіе, или полемическое, которое входитъ своею частію въ общее богословіе. Доказывая превосходство христіанской религіи общее богословіе опровергаетъ всѣ прочія ложныя религіи, доказывая православіе нашей церкви оно опровергаетъ всѣ неправославныя ученія. Изложеніе частныхъ ересей найдетъ себѣ мѣсто въ догматическомъ богословіи. Такимъ образомъ кругъ наукъ въ существѣ своемъ не сокращаясь, сократится по названію. По мѣстнымъ требованіямъ семинаріи можно и должно въ однихъ подробнѣе излагать полемику противъ язычества, или магометанства, или лютеранства, или римской церкви. Приспособляемость преподаванія наукъ въ семинаріяхъ къ нуждамъ края гораздо важнѣе и полезнѣе ихъ однообразія. Такъ, гдѣ есть магометане, необходимо подробное изученіе лжеученія Магомета. Тоже нужно сказать и о языкахъ. Изученія Еврейскаго языка вообще бесполезно въ семинаріяхъ. Ни одинъ священникъ не имѣлъ и не будетъ у себя имѣть Еврейской книги! Но въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ Еврейское населеніе многочисленно, необходимо преподаваніе Еврейскаго языка. Тамъ, гдѣ есть римскіе католики, нужно усилить преподаваніе латинскаго языка. Вообще изученіе господствующихъ въ извѣстной епархіи ересей и сектъ и нарѣчій должно быть обязательно для туземныхъ семинаріи.

Изученіе богословскихъ лекцій должно быть свободнымъ усвоеніемъ, а не заучиваніемъ. Пусть ученикъ передаетъ свой урокъ такъ, какъ бы онъ видѣлъ передъ собою наста-

вляемаго селянина. Въ полемическихъ наукахъ нужно приучать къ диспутамъ. Пусть одинъ защищаетъ магометанство, лютеранство, расколъ, а другою опровергаетъ. Это приучитъ къ состязанію съ иновѣрцами. Наставникъ можетъ обращать диспутъ къ новымъ вопросамъ, чтобы испытать находчивость и знаніе ученика. А то въ семинаріяхъ совсѣмъ не учатъ прилагать свои познанія къ дѣлу.

Исторіи гражданской всеобщей слѣдовало бы отвести мѣсто въ среднемъ отдѣленіи. Она послужила бы энциклопедіею свѣтскихъ наукъ, говоря, кромѣ политической судьбы государствъ, о религіи, просвѣщеніи, литературѣ, законахъ, искусствѣ, памятникахъ, торговлѣ древнихъ народовъ. Упреки свѣтскихъ духовнымъ въ невѣжество ихъ ни за что такъ не дѣлаются, какъ за незнаніе исторіи. Притомъ нынѣ возникаетъ столько вопросовъ гражданскихъ, что священнику нужно знакомство съ этою областію.

Считаемъ нужнымъ сдѣлать еще замѣчаніе. Въ предметы для сочиненій учениковъ назначается иногда размышленіе о какой либо добродѣтели. Полезнѣе всего въ такомъ случаѣ заставлять ихъ просто дѣлать выписку изъ аскетическихъ сочиненій отцевъ церкви. Она познакомитъ ихъ съ твореніями отцевъ церкви и дастъ понятіе о добродѣтели, о которой они сами не могутъ еще имѣть свѣдѣнія“.

Въ своей запискѣ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній П. С-чъ высказалъ не мало мыслей оригинальныхъ и свободныхъ не для своего только времени. Но выступая горячимъ сторонникомъ реформы духовныхъ школъ, П. С-чъ держался той мысли, что реформа эта должна быть введена постепенно. „Прежде нежели однажды, можетъ быть навсегда, вводить новую мѣру, лучше обратить вниманіе на улучшеніе нынѣшняго положенія. Со временемъ, если окажется недѣйствительнымъ преобразование неполное, вводить и полное. Когда нѣтъ несомнѣнной увѣренности въ пользѣ какого либо преобразованія, нужно удерживать старый порядокъ, устраняя по немногу его недостатки. Нельзя отказать въ кое-чемъ добромъ нововведеніямъ сороковыхъ годовъ,—это стараніе сдѣлать образованіе духовныхъ юношей болѣе приспособленнымъ къ будущему служенію. Но такъ какъ не было обращено надлежащаго вниманія на удержаніе того добраго, что было въ прежнемъ образованіи,

такъ какъ новыя науки вводились безъ заботы объ удержа-
ніи прежняго строя образованія, то вмѣсто пользы они при-
несли болѣе вреда“.

Въ шестидесятыхъ годахъ, какъ извѣстно, свѣтское об-
щество и литература обратили особенное вниманіе на поло-
женіе нашего духовенства, которымъ прежде мало интере-
совались. Въ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ появился
рядъ статей о нашемъ духовенствѣ, въ которыхъ высказано
было немало правды, но вмѣстѣ много и несправедливыхъ
нареканій на духовенство. П. С-чъ, горячо принимавшій къ
сердцу интересы сословія, изъ котораго самъ происходилъ,
рѣшился возвысить свой голосъ въ защиту духовенства.
Покойный святитель Филаретъ побуждалъ ученыхъ акаде-
міи писать въ защиту духовенства. П. С-чъ написалъ осо-
бую записку въ защиту духовенства, не предназначая ее къ
печати. „Написалъ я записку въ защиту духовенства, какъ
сословія, писалъ П. С-чъ своему брату, и передалъ Ректору
не для печати, но чтобы дать основаніе бродящимъ у насъ
мыслямъ и возможность на этомъ основаніи развить ихъ и
распространить. Митрополитъ Филаретъ выразилъ желаніе,
чтобы писали въ защиту духовенства, обѣщаясь напечатать.
Но не все написанное мною удобно показать и ему“. Не-
извѣстно для насъ, какимъ путемъ и по какимъ соображе-
ніямъ эта записка была представлена одному свѣтскому
лицу, близко стоявшему къ высшему церковному правитель-
ству. Мысли, высказанныя П. С-чемъ въ его запискѣ, мо-
жетъ быть покажутся нѣкоторымъ не вполне справедливыми,
но онѣ примѣчательны въ томъ отношеніи, что рисуютъ и
нравственную физиономію покойнаго профессора и его горя-
чую ревность о дѣлахъ церкви. Ходячимъ обвиненіемъ, воз-
водимымъ на духовенство, было обвиненіе его въ недѣятель-
ности, застоѣ, маломъ вліяніи на общество. Считая это об-
виненіе общею, мало основательною фразою, П. С-чъ прежде
рѣшаетъ вопросъ: почему духовенство не обнаруживаетъ
того вліянія и той дѣятельности, къ какой оно способно по
настоящему своему развитію? „Дайте отвѣтъ на вопросъ,
пишетъ П. С-чъ, почему 50 отличныхъ солдатъ, скованныхъ
по рукамъ и ногамъ и расположенныхъ по разнымъ мѣстамъ
не могутъ оказать дѣятельной помощи противъ десятка не-
годяевъ, которые въ ихъ глазахъ грабятъ и рѣжутъ? Вотъ

изображеніе положенія духовенства нашего. По заповѣди Спасителя и Апостоловъ, по постановленіямъ вселенскихъ соборовъ управление церкви православной есть соборное. На соборахъ она узнавала общія нужды церкви, на нихъ врачевала свои недуги, на нихъ принимала общія мѣры противъ враговъ, предпринимала улучшенія внутри себя. Всякое учрежденіе, какъ скоро оно управляется несоотвѣтственно своему началу, теряетъ уже силу при всемъ достоинствѣ частныхъ его лицъ. Обширность русской монархіи и и въ ней распространенной церкви, разнообразіе ея населенія и мѣстныхъ нуждъ церкви и духовенства невольно вызываютъ къ общему обмѣну мыслей, къ подробному совѣщанію съ мѣстными блюстителями церкви для принятія полезныхъ мѣръ. Одинокій, не наследуя опыта предшественника, не руководимый его совѣтами и совѣтами болѣе опытныхъ вступаетъ епископъ въ управление обширнѣйшею паствою и долго еще не можетъ ознакомишься съ краемъ и его потребностями. Частые переводы съ мѣста на мѣсто ослабляютъ еще значеніе дѣятельности епископовъ. Притомъ эта дѣятельность на всякомъ шагу стѣсняется внѣшними отношеніями. Гражданскія власти не всегда содѣйствуютъ, но чаще противодействуютъ всѣмъ распоряженіямъ епископовъ. Есть центральное мѣсто управления—Синодъ. Но кто не знаетъ, что дѣла тамъ ведутся секретарями и отчасти директорами и оберъ-прокуроромъ смѣняющимися постоянно, незнакомыми съ потребностями епархій и большею частію совершенно равнодушными ко благу церкви. Своими замѣчаніями, своими противорѣчивыми распоряженіями они постоянно стѣсняютъ власть епископскую. Разумѣется къ этому управленію не питается ни довѣрія, ни сочувствія и на него смотрятъ какъ на зло, котораго нельзя избѣжать. Энергическая дѣятельность епископовъ, которая одна только можетъ принести добрые плоды, встрѣчаетъ себѣ порицанія и препятствія. Тоже должно сказать и о священникахъ. Только тѣ, которые смиренно живутъ и ничего не дѣлаютъ, кромѣ исполненія требъ, которые остаются безмолвными при оскорбленіи церкви и духовенства, не противодействуютъ успѣхамъ раскола и разврата, не подвергаются жалобамъ къ архіерею. А нѣтъ ничего легче обвинить священника предъ самымъ благонамѣреннымъ архіереемъ; ибо въ

священникъ всякая вина виновата ¹⁾. Если и защитить священника архіерей, то дѣло пойдетъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ и его обвинять вмѣстѣ съ архіереемъ по прямому сношенію съ оберъ-прокуроромъ. Мы знаемъ примѣръ, что священникъ донесъ о поруганіи поляковъ надъ духовенствомъ, о хохотѣ приверженныхъ къ полякамъ во время службы въ церкви; и священникъ и архіерей подверглись нареканію. Рѣшили, что это клерикальная борьба, клерикальныя придирки. А сколько бумаги исписано по этому поводу, какихъ усилій стоило спасти священника. Условіе всякаго успѣшнаго дѣйствія есть свобода, сбейте съ духовенства кандалы, въ которыя заковано оно, дайте ему соединить свои силы для дѣйствія и тогда уже и признайте свой приговоръ надъ нынѣшнимъ духовенствомъ—соотвѣтствуетъ ли оно или нѣтъ своему званію. Давъ время обнаружить ему свою дѣятельность на свободѣ, рѣшайте уже тогда вопросъ, какія мѣры принять къ его улучшенію. Вотъ совѣтъ благоразумія, вытекающій кажется изъ самаго существа дѣла“ ²⁾.

„Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ высказано было, что духовенство съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось сословіемъ, потеряло вліяніе и значеніе, что великіе дѣятели духовенства—Алексій былъ изъ дворянъ, Сергій Радонежскій изъ крестьянъ, патриархъ Никонъ изъ крестьянъ. Достаточно и одного невѣжественнаго указанія на происхождение Сергія Радонежскаго, чтобы оцѣнить степень исторической точности автора этой статьи. Какое вліяніе и значеніе разумѣетъ авторъ, говоря объ Алексіѣ и Никонѣ? Безъ сомнѣнія участіе ихъ въ дѣлахъ государственныхъ. Но приглашено ли нынѣшнее духовенство къ участію въ дѣлахъ государственныхъ, чтобы по опытамъ дѣятельности его можно было произнести приговоръ о его способности или неспособности имѣть вліяніе и значеніе въ дѣлахъ государственныхъ? Духовенство могло

¹⁾ Высокопоставленное лицо, читавшее записку П. С-ча, на поляхъ сдѣлало замѣтку: тутъ что не ладное: или власть епископская должна быть безъ апелляціи, или эта безапелляціонность порождаетъ явное правосудіе.

²⁾ Читавшій записку П. С-ча сдѣлалъ на ней такую замѣтку: „По нашему мнѣнію это лучшая изъ всѣхъ прочитанныхъ статей; въ ней много правды и желательно было бы видѣть ее оглашенною.“

же выдѣлить изъ среды своей въ началѣ нынѣшняго вѣка величайшаго государственнаго челоука—Сперанскаго. Въ средѣ его нашелся бы и не одинъ Сперанскій, если бы открытъ былъ доступъ лицамъ духовнаго происхожденія и званія къ участию въ дѣлахъ государственныхъ. Сила и значеніе Алексія и Никона основывалась не на сословномъ ихъ происхожденіи, но единственно на личной къ нимъ довѣренности и привязанности правителей. Прекращеніе вліянія духовенства на дѣла правительственныя совершилось еще задолго до образованія духовнаго сословія и вслѣдствіе совѣмъ другихъ причинъ.

Съ усиленіемъ въ Европѣ монархической власти, съ распространеніемъ свѣтскаго образованія, съ преобладаніемъ государственныхъ интересовъ, вліяніе духовенства, такъ сильное въ средніе вѣка, вездѣ пало. Когда реформація въ значительной части государствъ Европы церковь подчинила свѣтской власти, сами папы отказались уже отъ попытокъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла странъ, въ которыхъ признавалась ихъ власть, вліяніе духовенства ограничилось сферою духовныхъ дѣлъ. Этотъ обще-европейскій переворотъ отозвался и въ Россіи, когда Петръ I-й началъ ломать старыя порядки. Воспитанный преимущественно подъ вліяніемъ лютеранъ, заимствуя себѣ и образцы для подражанія въ государствахъ съ лютеранскимъ устройствомъ, онъ въ духовенствѣ видѣлъ главнаго врага своихъ нововведеній и всѣ усилія его направлены были къ униженію духовенства. Его питомцы проникнуты были тѣмъ же духомъ и въ правленіе краткое Екатерины I-й, по своему происхожденію, жизни и характеру едва ли знавшей какую нибудь религію, проводили тѣ же начала. Господство лютеранина Бирона дышало ненавистію къ православному духовенству. Съ благодарностію духовенство воспоминаетъ правленіе Елизаветы. По крайней мѣрѣ кончилось время поруганія и униженія духовенства, и оно могло сколько нибудь заняться своимъ благоустройствомъ. Но отъ характера этой государыни, наклонной болѣе къ удовольствію и покою, нельзя было ожидать дѣятельныхъ мѣръ къ возвышенію духовенства. Почти первымъ дѣломъ царствованія Екатерины II-й было отнятіе имущества у духовенства. Этотъ ударъ лишилъ духовенство всѣхъ средствъ и всякой опоры къ дѣятельному вліянію на

общество. Поклонница Вольтера и энциклопедистовъ, она смотрѣла на религію и церковь чисто съ гражданской точки зрѣнія, сообразно господствовавшимъ тогда идеямъ. Высшее общество, въ прежнее время состоявшее изъ нѣмцевъ, враждебныхъ православію, при Екатеринѣ составилось изъ зараженныхъ французскимъ вольномысліемъ русскихъ. Въ этомъ обществѣ духовный могъ встрѣтить только остроты и насмѣшки надъ религіей, бывшія въ особой модѣ тогда и естественно нужно было удаляться отъ этого общества и лицамъ высшаго сана. Низшее духовенство бѣдное, мало просвѣщенное, терпѣло всякаго рода униженія и оскорбленія. Среди этихъ-то трудныхъ обстоятельствъ духовенство занялось учрежденіемъ школъ для воспитанія священниковъ. Разсадникомъ образованныхъ дѣятелей явилась кievская академія, вдали отъ надзора администраціи успѣвшая поддерживать просвѣщеніе духовное. Святители начали заводить школы, сначала на свои епархіальныя средства и сборы съ духовенства, потомъ при пособіи казны. Въ эти школы набирались дѣти духовныхъ и тѣмъ положено было начало возвышенію духовенства и въ умственномъ образованіи и въ нравственномъ вліяніи на народъ. Изъ этихъ школъ вышли Тихонъ Задонскій, Гавріиль, Платонъ, Филаретъ“.

Обвинять духовенство въ застоѣ, говоря моднымъ языкомъ, отсутствіи прогресса, П. С-чъ находитъ неосновательнымъ. „Духовенство постоянно возвышается и въ своемъ образованіи и въ своемъ значеніи въ обществѣ. Кто хотя за послѣднія тридцать лѣтъ слѣдилъ за положеніемъ духовенства въ Россіи, тотъ не можетъ не видѣть великаго измѣненія въ этомъ положеніи. Нерѣдки случаи, что въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ обращались за совѣтомъ къ первосвятителю нашей церкви; не показалось унижительнымъ, что для преподаванія уроковъ и не богословскихъ приглашенъ былъ къ высочайшему двору профессоръ духовной академіи. Высшія лица свѣтскаго общества не только не отвергають знакомства съ представителями духовной науки, съ почетными лицами изъ духовенства, но сами ищуть его. Даже сельское духовенство уже не безмолвный рабъ помѣщиковъ и исправниковъ. Оно смѣло отстаиваетъ свои права, права церкви и вѣры. Мирный исходъ крестьянскаго вопроса преимущественно совершился подъ вліяніемъ духовен-

ства; преграду революціонной пропагандѣ ставитъ оно же. Вліяніе духовенства есть внутреннее, невидимое; оно тайна совѣсти священника и того, на кого оно простирается. Оно не подлежитъ газетнымъ рекламамъ. Религіозное вліяніе, какъ нравственная сила, дѣйствуя убѣжденіемъ, можетъ дѣлать многое, но не можетъ управлять, не можетъ основать системы, которая обезпечивала бы обладаніе будущимъ. Но бывають случаи, когда это вліяніе обнаруживается и во внѣ. Такъ въ западной Россіи духовенство на своихъ плечахъ, вопреки всѣмъ усиліямъ администраціи, страдая и терпя, вынесло цѣлость народности русской и православія“. Обвиненіе духовенства въ недѣятельности, по мнѣнію П. С.-ча, происходитъ частію отъ того, что многіе по отношенію къ духовенству предъявляютъ требованія неосновательныя, частію отъ того, что многіе у насъ мало знакомы съ дѣятельностію духовенства. „Порицаніе духовенства сдѣлалось такимъ общимъ мѣстомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ людей, что давать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ инымъ покажется нелѣпностію. Но обвиненіе, пока оно обращается только въ области общей фразы, не можетъ быть признано справедливымъ, во всякомъ случаѣ ничего не доказываетъ. Нужно обвиненіе доказать по пунктамъ, подтвердить фактами, отдѣлать частное отъ общаго и тогда дѣлать выводъ. Оговариваюсь напередъ, что рѣчь идетъ не объ удовлетвореніи высшему идеалу священника. Какъ въ духовенствѣ, такъ и въ прочихъ сословіяхъ не найдется ни одного чловѣка, вполне исполняющаго обязанности въ ихъ идеальномъ представленіи.

1) Обязанность священника отправлять богослуженіе и совершать требы. Не много дней въ году бываетъ, когда бы не служилъ священникъ литургію, даже въ селахъ три, четыре раза въ недѣлю бываетъ служба, исключая развѣ рабочей поры. Не только для исповѣди и причастія больного, но для того, чтобы молитву дать родильницѣ, священникъ идетъ ночью въ дождь, снѣгъ. Погребеніе, вѣнчаніе, крестины, молебствія, крестные ходы совершаются неопустительно. Многимъ вѣроятно случалось слышать праздничный звонъ, зайти въ храмъ, видѣть церковь освѣщенною, духовенство въ парадныхъ ризахъ и если это соборъ, то всѣ духовные въ сборѣ, а народу нѣтъ; развѣ гдѣ-нибудь прижался полиц-

мейстеръ или квартальный. Что за праздникъ? Это царскій день,—духовенство празднуетъ, молится, а администрація спитъ, какъ она часто дѣлаетъ и въ своемъ управленіи ¹⁾. Они утрудились, протанцовавъ до утра на балу или проигравъ въ карты и собираетъ силы свои для новыхъ подобныхъ трудовъ. Духовенство поставлено на то, чтобы молиться Богу. Правда сказана. Духовенство поставлено на то, чтобы молиться, оно и молится. Слѣдовательно, оно точно исполняетъ свои обязанности, не такъ какъ свѣтскіе чиновники, обязанные присутствовать при молебствіи и неприсутствующие. Но хорошо ли совершается богослуженіе? Это зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя на всегда во власти священника. Для торжественности богослуженія требуются внѣшнія качества и внѣшняя обстановка. Нуженъ служащему представительный видъ, звучный и пріятный голосъ, усвоеніе приличныхъ манеръ. Священники изъ дѣтей духовнаго званія скоро научаются безошибочно служить, но при безголосицѣ священника, особенно чтецовъ и пѣвцовъ и при бѣдныхъ средствахъ церкви служеніе не можетъ имѣть нужнаго благолѣпія. Но вина не столько въ священникѣ, сколько въ прихожанахъ; они могутъ составить изъ себя хоръ, изъ себя выбрать чтецовъ, обставить богослуженіе желательнымъ благолѣпіемъ.

2) Вторая обязанность священника учить народъ. Очень многіе дѣло ученія народа поставляютъ для священника въ сказываніи поученій и находя, что проповѣдь въ нашемъ богослуженіи не почитается необходимою принадлежностью, утверждаютъ, что духовенство не учить народъ. Мнѣ кажется, что протестантскія и католическія проповѣди мерещутся обвинителямъ нашего духовенства, когда они повторяютъ эти упреки. Тамъ проповѣдь единственная часть богослуженія, понятная для присутствующихъ. У насъ каждое дневное богослуженіе въ своихъ церковныхъ пѣсняхъ и чтеніяхъ представляетъ столько истинъ догматическихъ, нравственныхъ, столько призывовъ къ покаянію, что ихъ достаточно для замѣны всякаго поученія католическаго или протестантскаго искусственнаго, растянутаго, имѣющаго въ виду славу про-

¹⁾ Замѣтка читавшаго записку: „лично благодарю за лестное мнѣніе съ администраціи, отъ нея же не послѣдній емь азъ“.

повѣдника, а не славу Божию и не благо ближнихъ. Наше богослуженіе такъ продолжительно, назиданіе предлагаемое самою церковною службою такъ полно, что прихожане отягощаются слушаніемъ поученій даже даровитыхъ проповѣдниковъ“.

Наше общество, особенно высшее, по мнѣнію П. С-ча, мало знакомо съ духовенствомъ и его дѣятельностію. „Съ отрадою, какъ какое то необыкновенное явленіе встрѣчаемъ между свѣтскими лицами—лицо, имѣющее здравыя понятія о вѣрѣ, знакомое съ богословскою литературою, съ трудами и дѣятельностію духовныхъ лицъ. „Во мнѣ духовенства нѣтъ“, говорила мнѣ одна дама высшаго сословія, желавшая, приближаясь къ смерти, познакомиться съ объясненіемъ литургіи. Это значило: я не знакома съ духовными предметами. Хорошо и то, что хотя на восьмомъ десяткѣ вздумала почитать объясненіе литургіи, которую постоянно посѣщала и подобно другимъ ругала священниковъ дураками, невѣжами, ничего не знающими. Отчужденіе свѣтскихъ лицъ отъ духовенства препятствуетъ имъ ознакомиться съ его дѣятельностію. Не такъ давно въ одномъ аристократическомъ домѣ Москвы зашелъ у меня разговоръ о положеніи священника въ обществѣ. Принятый въ этомъ домѣ почти какъ родной, встрѣчаемый всегда съ живѣйшею благодарностію за посѣщеніе, я сказалъ; ну вотъ, если бы я надѣлъ священническую рясу, какъ вы приняли бы меня? Мой вопросъ смутилъ; послѣ нѣкотораго молчанія отвѣчали мнѣ: все же неудобно бы принимать васъ такъ, какъ теперь принимаемъ, ради общества, ибо это страннымъ показалось бы“.

Разсуждая о причинахъ нападковъ на духовенство П. С-чъ говоритъ: „что образованіе духовныхъ и ихъ нравственность если не выше, то не ниже лицъ другихъ сословій, занимающихъ равныя имъ должности, — это кажется неоспоримо. Будемъ ли мы сравнивать архіереевъ съ губернаторами, сельскихъ священниковъ съ становыми, профессоровъ академій и университетовъ, мы нигдѣ не найдемъ духовныхъ позади другихъ сословій. Слѣдовательно не въ умственныхъ и нравственныхъ недостаткахъ духовенства заключается причина нападений на него. Одно особенно обстоятельство обращаетъ вниманіе въ этихъ нападкахъ на духовенство:—это то, что нападенія эти направлены не на част-

ныя лица, но на цѣлое сословіе. Соберите отзывы во всѣхъ приходахъ о священникахъ, рѣдко гдѣ либо поднимется голосъ къ осужденію, и то это бываетъ большею частію голосъ людей, мало заслуживающихъ уваженія по своей жизни. Тоже и относительно архіереевъ, каждаго профессора въ отдѣльности, одного лица, получившаго семинарское образованіе—вы услышите болѣе одобрительныхъ отзывовъ, а заведите рѣчь о цѣломъ сословіи духовномъ, вообще объ образованіи семинарскомъ и академическомъ, вы чаще услышите ругательства, чѣмъ одобреніе. Въ администраціи гражданской мы чаще встрѣчаемъ обратное явленіе, тамъ ругаютъ частныхъ лицъ, но рѣдко администрацію въ ея учрежденіяхъ. Гдѣ же причина этого явленія? Думаемъ, что никто не будетъ оспаривать той истины, что подъ нападками на духовенство часто скрывается ненависть противъ религіи. Эти обвиненія духовенства кастою, страдающею застоємъ, неподвижностію, что значитъ какъ не укоры его въ вѣрности истинамъ православной церкви? Не одни враги вѣры нападаютъ на духовенство. Часто эти нападки и обвиненія раздаются въ средѣ администраціи, начиная съ станovýchъ и чрезъ губернаторовъ переходятъ къ министрамъ. Причина этихъ нападковъ есть независимое отъ мѣстной администраціи епархіальное управленіе. Губернаторы привыкли считать себя независимыми царями въ своей губерніи; имъ противно все, что не признаетъ ихъ власти и не подчиняется ей. Внѣшній почетъ архіерею воздается вездѣ большій, нежели губернатору — и это многимъ больно; злоупотребленія низшихъ чиновниковъ, особенно по дѣламъ раскола, встрѣчаютъ себѣ контроль и препятствія со стороны духовенства и это постоянно держитъ ихъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ духовенству и въ такомъ духѣ заставляетъ дѣлать донесенія для собственнаго оправданія. Не одна впрочемъ администрація, а часто и общество высказываетъ непріязненное расположеніе къ духовенству. Гдѣ искать причины этой вражды?

1) Нельзя не видѣть, что здѣсь имѣетъ важное значеніе способъ содержанія духовенства. Многимъ просто непріятно платить деньги духовенству за исправленіе различныхъ требъ и обвиненія духовенства въ обществѣ направлены именно въ эту сторону.

2) Не безъ значенія также особый костюмъ духовенства и отчужденіе его отъ общественныхъ увеселеній. Духовенство является какимъ то особнякомъ въ обществѣ, какимъ то страннымъ упрекомъ существующимъ условіямъ жизни.

3) Самая образованность священника, какъ бы высшая его средствъ жизни, его сословнаго положенія въ обществѣ держать его въ ненормальномъ отношеніи ко всѣмъ классамъ. Впрочемъ замѣтно въ обществѣ стремленіе къ сближенію съ духовнымъ сословіемъ не въ раутахъ только министра внутреннихъ дѣлъ, но и въ частной семейной жизни. Теперь въ семействахъ, гдѣ прежде священникъ являлся только совершителемъ требъ, нерѣдко встрѣчаютъ его какъ гостя, приглашеннаго или для ученой бесѣды или для совѣта по дѣламъ семейнымъ“.

Живой интересъ, съ которымъ П. С-чъ относился къ современной ему жизни естественно возбуждалъ въ немъ потребность живого и постояннаго обмѣна своихъ впечатлѣній и мыслей съ другими по поводу современныхъ вопросовъ и событій. Этой потребности П. С-чъ и удовлетворялъ въ письмахъ къ своему родному брату преосвященному Платону. П. С-чъ аккуратно два раза въ недѣлю посылалъ письма Платону. Письма эти обыкновенно онъ начиналъ писать дня за два до отправленія почты, занося въ нихъ все, что его интересовало и что онъ находилъ заслуживающимъ сообщенія. Письма его представляютъ какъ бы лѣтопись современныхъ событій, преимущественно въ сферѣ церковной, съ сужденіями объ нихъ писателя. Преосвященный Платонъ цѣнилъ важное значеніе писемъ своего брата и тщательно берегалъ ихъ. Сохранилась переписка П. С-ча съ братомъ съ 1859 года по 1877 г., когда послѣдовала кончина преосвященнаго Платона. Мы будемъ приводить письма П. С-ча въ хронологическомъ порядкѣ, опуская въ нихъ не многія, мало интересныя для читателей мѣста, въ которыхъ пишетъ о своихъ личныхъ, домашнихъ дѣлахъ.

1859 года ¹⁾. Справедливо вы писали какъ то, что у насъ учать, а не воспитываютъ. Прежде всего начать нужно съ

¹⁾ Въ 1859 и 1860 годахъ П. С-ча преимущественно занималъ поднятый въ то время вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Цѣлый рядъ писемъ къ преосвященному Платону посвященъ этому во-

начальниковъ. Священникъ долженъ быть отцемъ своей паствы. Пусть и начальники собственнымъ поведеніемъ и обращеніемъ научатъ ихъ понимать, что такое значить отеческое обращеніе. Всего вреднѣе дѣйствуетъ на нравственный характеръ воспитанника деспотизмъ начальника, который требуетъ повиновенія во имя своей воли, а не во имя закона. Капризъ приказанія начальника образуютъ лицемѣріе, притворство въ подчиненныхъ, подавляютъ чувство уваженія къ закону и научаютъ свой произволъ, свой эгоизмъ ставить вмѣсто закона. Нигдѣ это такъ не вредно какъ въ семинаріяхъ и нигдѣ такъ часто не встрѣчается, какъ въ духовныхъ заведеніяхъ. Не будемъ объяснять это изъ дурнаго воспитанія; дадимъ лучшее объясненіе. Подумаемъ, что это происходитъ изъ собственного подчиненія монаховъ-начальниковъ предъ высшими и ложно прилагается къ воспитанію дѣтей, въ которыхъ хотятъ образовать тотъ же духъ послушанія. Между тѣмъ ни въ какомъ званіи не поступаютъ такъ рано на поприще самостоятельной жизни, какъ въ духовномъ. Въ 20 лѣтъ семинаристъ иногда бываетъ священникомъ, главою семейства. Для устраненія этой молодости нѣкоторые хотятъ, чтобы священники поступали уже побывши дьячками и дьяконами. Ошибочное мнѣніе. Низкая доля дьячка занесетъ столько зла въ душу, угаснутъ тѣ священные порывы, которые одушевляютъ юность, и одна забота добиться мѣста священника, какъ болѣе выгоднаго, будетъ наполнять сердце. Поставленный прямо на мѣсто священника, молодой человекъ, если въ немъ воспитано сознаніе его долга, несравненно усерднѣе примется за свое дѣло. Можетъ быть онъ впадетъ въ ошибку, но эта ошибка, по моему мнѣнію, лучше

просу. Большая часть изъ нихъ писаны въ отвѣтъ на соображенія пресвященнаго о пресоборованіи семинари. Два воспитанника старой семинарской школы имѣли различные взгляды на семинарское воспитаніе. Платонъ желалъ изъ семинарій устроить нѣчто въ родѣ монашескаго института. По его мысли семинаріи должны быть заведеніями закрытыми, откуда учащіеся не должны быть выпускаемы до окончанія курса. Управление семинарій должно быть сосредоточено въ рукахъ начальника-монаха. Особые духовники постоянно должны слѣдить за нравственностію учениковъ. Семинаристы должны приступать къ св. причащенію не менѣе 12 разъ въ годъ и т. под. Противъ этихъ положеній востаетъ П. С-чъ въ своихъ письмахъ.

безошибочности, хитрой расчетливости и лукаваго умѣнья вывернуться, которое онъ приобрѣлъ, проживши дьячкомъ. Безъ сомнѣнія полезно частое причащеніе, но какъ то немощная совѣсть трепещеть при мысли о причащеніи 12 разъ. Не нужно позволять высказывать свое благочестіе, иначе можетъ явиться лицемѣріе, желаніе высказать себя. Чтобы не возбудить зависти товарищей, ихъ нареканій, не нужно выставлять кого либо изъ нихъ за внутреннее благочестіе. Внѣшнее поведеніе подлежитъ одобренію, а внутренняго Богъ награда и Судія. Полезно бы развивать чувство любви и участія къ ближнимъ и дѣятельно упражнять въ дѣлахъ любви. Если гдѣ есть возможность, то по усмотрѣнію архіерея поручать преподаваніе пастырскаго богословія добрымъ священникамъ. Пусть эти уроки будутъ безъ системы; они дороги будутъ, если почерпнуты изъ опыта.

Я рѣшительно противъ вашей мысли не пускать учениковъ въ отпуски. Нѣтъ! пусть ученики видятся съ отцами, пусть ѣздятъ домой, пусть у нихъ въ глазахъ всегда тотъ быть, который ихъ ожидаетъ. Они должны пріучаться раздѣлять домашнія радости и скорби. Если и будетъ вредъ отъ этихъ поѣздокъ, то еще болѣе вредно заключеніе семинаристовъ въ стѣны зданій. Ученикамъ богословія можно бы задавать вопросы предъ отъѣздомъ домой: принимаютъ ли какія мѣры въ ихъ приходѣ для улучшенія нравственности, дѣйствительны ли эти мѣры? и что можно бы по ихъ мнѣнію сдѣлать тутъ? Внушить имъ, чтобы они къ больнымъ или скорбящимъ ходили читать назидательныя книги. Помѣщеніе семинаріи за городомъ считаю вреднымъ по указаннымъ мною соображеніямъ. Не надо забывать, что семинаристы не для монашеской жизни готовятся, а для семейной и общественной. Содержаніе всѣхъ на казенномъ коштѣ обременительно для казны. Общія квартиры пусть заводятся. Сами привыкнуть къ хозяйству, которымъ должны будутъ заниматься по выходѣ на мѣста. Положимъ, что запертые въ стѣнахъ подъ строгимъ надзоромъ ученики всѣ проникнуты религіознымъ энтузіазмомъ. Но этотъ энтузіазмъ безъ опытовъ жизни, безъ искушеній со стороны житейскихъ отношеній, при выходѣ изъ стѣнъ монастыря или обратится въ фанатизмъ или бросится въ крайній разгулъ при первой встрѣчѣ съ свободою. Священникъ долженъ быть зна-

комъ съ жизнью, въ немъ должна быть развита любовь и пониманіе немощей братіи. Не семинаріи только причиною того, что священники худы, но дальнѣйшая ихъ жизнь. На нихъ не обращаютъ вниманія, не требуютъ отечески отчета въ ихъ дѣйствіяхъ, не поощряютъ ихъ.

1859 года. Мысль графа Толстого ¹⁾ склоняется на то, чтобы въ семинаріяхъ преимущественно изучали греческій языкъ. Кажется и справедливо дать ему первое мѣсто, а латинскому второе. Намъ знаніе греческой церковной литературы необходимо, нежели латинской. Притомъ рано или поздно, но мы будемъ имѣть вліяніе на Востокъ, а потому изученіе греческаго языка необходимо. Еще нужно бы знакомить духовныхъ воспитанниковъ съ памятниками славянской литературы. А то наши воспитанники не имѣютъ понятія объ Остромировомъ Евангеліи. На первой недѣлѣ былъ у меня князь Валеріанъ Голицынъ. Онъ между прочимъ говорилъ, что князю Урусову онъ внушалъ основать ученое общество изъ профессоровъ въ родѣ ученой академіи, члены которой занимались бы только учеными сочиненіями и рѣшеніемъ ученыхъ вопросовъ. И изъ прежнихъ монашескихъ мыслей открывается нужда подобнаго учрежденія.

Хотѣлъ писать вамъ о нуждѣ знакомить семинаристовъ съ археологіею русскою, чтобы возбудить въ нихъ любовь къ древностямъ и вниманіе. Хотя краткія свѣдѣнія сообщить имъ нужно. Напишите въ археологическое Общество, чтобы вамъ выслали экземпляровъ 500 программы для собиранія археологическихъ свѣдѣній. Эта программа весьма облегчитъ священникамъ описаніе древностей.

Нѣтъ! если вы хотите, чтобы мысли ваши о преобразованіи училищъ были приняты, пишите подробно съ доказательствами и объясненіями. Иначе ваше мнѣніе исчезнетъ въ ряду другихъ. Теперь единственный случай провести свои мысли, случай, который еще не повторится. Чѣмъ полнѣе обнять будетъ вами планъ преобразованія, чѣмъ болѣе указано будетъ частныхъ и все подтверждено доказательствами и объясненіями, тѣмъ скорѣе обратятъ на него вниманіе. Умоляю васъ во имя блага церкви не пренебрегать

1) А. П. Толстого, тогдашняго оберъ-прокурора св. Синода.

этимъ средствомъ, не удерживаясь никакими посторонними расчетами.

О семинаріяхъ католическихъ я говорилъ съ бывшими за границу. Они въ одинъ голосъ говорятъ, что семинаріи католическія портятъ людей. Въ римской церкви имѣютъ вліяніе тѣ лица, которыя не въ семинаріяхъ воспитывались. У насъ причиною всего зла Ректора — монахи. Въ жизнь мою я не видалъ еще сноснаго Ректора. Или деспотъ, или дуракъ, или капризный эгоистъ, имѣющій въ виду только себя, свое положеніе. Нечего отворачивать глаза отъ этихъ причинъ. Пройдите мысленно свое воспитаніе и подумайте, что такое сдѣлали Ректора для нравственнаго воспитанія нашего. Если изрѣдка и попадется хорошій Ректоръ, то онъ не въ силахъ въ краткое управленіе истребить вѣковое зло. Въ нынѣшнее время, особенно при волненіи мыслей, при переворотахъ, которые готовятся, нужно не лишать священниковъ полезныхъ свѣдѣній. Это пагубное нерадѣніе объ ихъ образованіи горько отзовется. Прежде всего не нужно забывать, что у нихъ священникъ семейный человѣкъ. Не надо въ немъ заключенностію развивать эту сухость сердца, такъ гибельную въ жизни. Иезуита вы воспитаете въ заключеніи, но не человѣка съ теплымъ сердцемъ. Священникъ будетъ интригантъ, слуга архіерея, но не слуга Христовъ, не слуга любви евангельской. Посмотрите вы на клерикальное управленіе въ папской области, гдѣ католицизмъ имѣетъ полную свободу дѣйствовать въ своемъ духѣ. Онъ умѣетъ возбудить только общую ненависть. Такъ называемое благочестіе состоитъ только въ привязанности къ внѣшней формѣ; а у кого есть сердце, есть исканіе истиннаго христіанства, тѣ всѣ презираютъ католицизмъ. Зачѣмъ это зло сѣять въ нашей церкви? Но я увѣренъ, что Государь Императоръ и Государыня Императрица не допустятъ до этого несчастія наши духовныя заведенія. Они не терпятъ закрытыхъ заведеній. Пусть духовники будутъ, но все же Ректоръ долженъ быть отцомъ близкимъ для своихъ дѣтей. Увѣдомьте меня, если Вы будете склоняться къ мысли о закрытыхъ семинаріяхъ. Я буду печатно бороться противъ этой мысли. Не хочу этого зла.

1859 года, марта 12. Напрасно вы такъ понимаете мои сужденія. Чту и люблю иноческій чинъ, благоговѣю предъ

саномъ епископскимъ и я ли грѣшникъ брошу камень осужденія на немощнаго брата. Нѣтъ! я прикрылъ бы его плащомъ своимъ. Но когда отовсюду раздаются жалобы и за границую и у насъ на небреженіе о воспитаніи юношества нашего, о невниманіи пастырей къ духовнымъ нуждамъ паствъ; когда я вижу горькіе плоды эгоистическаго управленія, мое сердце обливается кровью за благо церкви, за славу и честь самыхъ пастырей и начальниковъ. Лучше ли лестію ублажать лѣнь, невниманіе и ошибки, нежели словомъ обличенія указывать на то, что требуетъ исправленія. Тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о преобразованіи, не нужно закрывать глаза ни на чьи недостатки. Пусть каждый выпкнетъ и себя посмотритъ, не вноситъ ли онъ частицы недостатковъ. „Вѣрно мы худые, писалъ какъ то Харьковскій преосвященный Филаретъ Александру Васильевичу, что всѣ насъ ругаютъ“. Нѣтъ ничего хуже для совершенства, какъ самодовольный взглядъ на свою дѣятельность. Предъ порицателями нашихъ начальниковъ, пастырей и иноковъ я всегда первый защитникъ. Но предъ своими, предъ собою я не хочу скрывать своихъ недостатковъ, чтобы тѣмъ сильнѣе пробуждалось чувство нужды исправленія.

Проекты Петербургскаго митрополита признаны не удовлетворительными. По заботѣ Государя о просвѣщеніи должно полагать, что онъ самъ войдетъ въ разсмотрѣніе проектовъ. Сказать прямо Петербургскому посовѣстились и потому истребовано мнѣніе отъ многихъ.

1859 г., марта 19. Государь Императоръ не согласился исключить изъ круга преподаванія семинарскаго медицины и сельскаго хозяйства, позволилъ только сократить.

Гдѣ то около Вильны канонизованы и открыты мощи католическаго святого и поэтому случаю 1000 изъ бывшихъ униатовъ, уже перешедшихъ въ православіе, перешли въ католичество. Въ Саратовѣ въ домѣ вице-губернатора живутъ два іезуита и сильно дѣйствуютъ. Миссіонерскую академію думаютъ открыть въ Юрьевѣ монастырѣ. Но вѣроятно это дѣло не скоро совершится. Александръ Васильевичъ изъ Петербурга возвратился въ Москву на первой недѣлѣ, но митрополитъ задержалъ его для чтенія перевода св. Писанія. Александръ Васильевичъ привезъ убѣжденіе, что двигатель и душа Синода есть Московскій митрополитъ. То дѣ-

лажтъ, что онъ скажетъ, о томъ разсуждаютъ, о чемъ онъ вѣнужитъ

Одинъ французъ, жившій нѣкогда въ Смоленской губернии и тамъ принявшій православіе, по возвращеніи во Францію выдалъ брошюру противъ брошюры Гагарина ¹⁾ подъ заглавіемъ: іезуиты пустили къ намъ краснаго пѣтуха, или обратится ли Россія въ католицизмъ? Брошюра наполнена самыми ругательными выходками противъ іезуитовъ и римской церкви. Сначала дѣлается обзоръ дѣйствій іезуитовъ въ Россіи, потомъ излагаются ихъ правила, гдѣ имъ приписывается оправданіе цареубійства, отцеубійства, прелюбодѣянія, грѣха содомскаго и всего сквернаго, далѣе обращается авторъ къ папству и сравниваетъ его съ распутною старою дѣвкой, которую подрумяниваютъ, поддѣлываютъ, чтобы привлечь обожателей. Совѣтуетъ остаться папѣ свѣтскимъ государемъ и завести паписсу и дѣтей, чѣмъ таскаться за чужими дѣтьми, и вся брошюра въ такомъ ругательномъ тонѣ. Русскимъ она не понравилась. Но такъ какъ насмѣшка сильнѣе всего дѣйствуетъ на француза, то думаютъ, что и эта брошюра сильно уронитъ русскихъ іезуитовъ во Франціи. Шуваловъ отступникъ выдалъ еще брошюру въ опроверженіе римскихъ писемъ Муравьева. Читалъ я всю брошюру Н. Б. Голицина о возможномъ соединеніи церквей. Тутъ есть между прочимъ опроверженіе проповѣди митрополита, гдѣ онъ говоритъ противъ главенства папы. О сношеніяхъ своихъ съ Никодимомъ пишетъ, что два года съ нимъ переписывался, и что его противникъ наконецъ до галиматіи дошелъ, но по имени не называетъ его.

1859 г., Мая 7. О Порфиріѣ преосвященномъ не слышимъ и мы ничего опредѣленнаго. Вѣроятно пріѣздъ оберъ-прокурора въ Москву заставилъ его остаться въ ней, чтобы переговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ. Нѣтъ еще рѣшенія: Игнатій или Савва будетъ въ Москвѣ Ректоромъ. Мы скорѣе думаемъ, что это мѣсто будетъ принадлежать Игнатію. Рѣчь Леонида хороша, но умолчалъ о томъ, что онъ готовился въ миссіонеры, а самъ отказался.

Почему вамъ не оставить слово *практическия*? Вѣроятно

¹⁾ Брошюра Гагарина Станетъ ли Россія Католическою? Издана въ Парижѣ въ 1856 г.

у васъ будутъ не одни практическія, но теоретическія свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ считаю необходимымъ помѣстить свѣдѣнія каноническія, какъ изложены Іоанномъ въ Православномъ Собесѣдникѣ¹⁾. Помню о. намѣстникъ на публичномъ экзаменѣ въ Виенѣ предложилъ вопросъ: на чемъ основываются священники, разрѣшая причастіе лицамъ виновнымъ въ нѣкоторыхъ тяжкихъ грѣхахъ, и начиная съ Ректора и наставниковъ никто не умѣлъ отвѣтить. А поводомъ къ вопросу были дѣйствія духовника скитскаго, который по древнимъ правиламъ сталъ поступать въ скиту.

Что то дѣло ваше съ откупщиками? Вамъ нужно поддерживать и поощрять священниковъ. Не читалъ я, а слышалъ, что въ журналѣ землевладѣльцевъ трунили надъ Костромскимъ архіереемъ, что онъ не принялъ на себя званіе президента общества трезвости. Поэтому то вамъ и надобно особенно поддерживать священниковъ.

1859 г. Въ Москвѣ священники затѣваютъ издавать два журнала²⁾. Митрополитъ программу одного журнала одобрилъ и требуетъ образцовыхъ статей. Въ Парижѣ одинъ ксендзь собирается издавать журналъ противъ римской церкви и Сушковъ даетъ ему деньги. Затѣваютъ въ Петербургѣ издавать журналъ противъ Герцена. Герценъ объявилъ, что онъ печатаетъ Библію на русскомъ языкѣ. Въ объявленіи сказано, что тутъ будутъ и переводы митрополита Московскаго. Митрополиту за хлопоты о прибавкѣ намъ жалованья мы написали благодарственный адресъ. Онъ написалъ на немъ: благодарю Бога, что члены духовной академіи возлагаютъ на меня обязанности, которыя я могу исполнить съ удовольствіемъ къ ихъ удовольствію.

1859 г., декабря 7. Рукопись съ присягою поповскою получена. Очевидно, что тутъ передѣлка или поддѣлка, а потому и трудно сказать что нибудь положительное. Посылалъ я по секрету Урусову записку о нѣкоторыхъ вопросахъ по преобразованію семинарій. Возвращая мнѣ рукопись по моему желанію, онъ прибавляетъ, что комитетъ для преобразованія семинарій имѣетъ образоваться въ самое непродолжительное время.

1) Рѣчь идетъ о книгѣ, составленной Преосвящ. Платономъ подъ заглавіемъ: Памятная книга для священника.

2) Православное Обзорѣніе и Душеполезное Чтеніе.

Митрополитъ сдѣлалъ представленіе, чтобы для московскихъ духовныхъ журналовъ учрежденъ былъ особый цензоръ въ Москвѣ. А между тѣмъ Казанскій журналъ до сихъ поръ не освобождается отъ опеки нашей ¹⁾. Изъ Петербурга пишутъ, что тамъ уже поручено нѣкоторымъ сдѣлать переводъ Ветхаго Завѣта. Можетъ быть потому, что компанія русскихъ выходцевъ въ Лондонѣ дѣятельно печатаетъ русскій переводъ Библіи.

Общество соединенія церквей, основанное папою, такъ мало думаетъ объ уступкахъ, что въ числѣ пунктовъ соединенія ставитъ и новый догматъ о непорочномъ зачатіи Богоматери. Между тѣмъ единственный путь къ соединенію есть уничтоженіе главенства папы. Разномысліе въ прочихъ пунктахъ, какъ дѣла недоразумѣнія могли бы существовать и при соединеніи церквей.

Пр. А. Бѣляевъ.

¹⁾ Прав. Собесѣдникъ.